КАК БЫ НЕ ТАК

ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

Татьяна Викторовна Полякова

Как бы не так

Серия «Авантюрный детектив»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122435
Как бы не так: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 978-5-699-17533-8

Аннотация

Марина – хирург и, на свою беду, спасла жизнь крупному уголовному авторитету. Да еще согласилась выполнить его просьбу – отвезти кейс с долларами в другой город. За ней охотятся враги спасенного ею мафиози, сам он тоже коварно подставляет ее. Смертельная опасность становится постоянной спутницей Марины, и тут на помощь ей приходит человек, которого она считала самым непримиримым врагом…

Содержание

Татьяна Полякова 4
Конец ознакомительного фрагмента. 87

Татьяна Полякова
Как бы не так

У Марка Твена есть рассказ, забавная такая рождественская история – как один врач помог больному бродячему псу. На следующий день пес вернулся к дому врача, но не один: привел с собой другого пса, тоже больного. Врач умилился собачьей дружбе и второго пса тоже вылечил. Через день возле дома сидели уже три собачки: врач больше не умилялся, но лечил. Так продолжалось довольно долго: собаки все прибывали, а врач тихо сатанел. В один прекрасный день он взял ружье и перестрелял всю собачью компанию, явившуюся к дверям его дома. Мораль: доброе дело никогда не остается безнаказанным.

Я вспомнила эту историю, потому что нечто подобное произошло со мной: я тоже имела глупость сделать доброе дело. Строго говоря, это не было добрым делом в том смысле, которое обычно вкладывают в данное словосочетание: вообще-то я выполняла свой долг, так мне тогда казалось. Мне и сейчас так кажется, несмотря на то, что последовало за этим.

Я, как и герой Марка Твена, по профессии врач, хирург, работала в областной больнице. В ту ночь я уже давно закончила дежурство, но домой не поехала – обстоятельства сло-

жились так, что пришлось задержаться, причем надолго.

Дежурство выдалось хлопотное, я едва стояла на ногах и мечтала о том, как приду домой, встану под теплый душ, а потом завалюсь спать. На сутки, не меньше. Конечно, целые сутки мне ни за что не проспать, сплю я вообще мало, но мысль об отдыхе в тот момент согревала душу.

Я выпила стакан крепкого чая и перевела взгляд на часы, они показывали половину седьмого.

– Кто-нибудь займется этими проклятыми часами? – нахмурившись, задала я вопрос, разумеется, риторический. В ординаторской нас было трое: я, моя подруга Наташка, тоже врач, именно благодаря ей в ту ночь я все еще мыкалась в больнице, и медбрат Володя, которого в отделении уже лет пять звали просто Брат.

– Батарейки летят, менять не успеваю, – ответил Володя. Мужчина он крупный, медлительный и веселый. – Были часы механические, кому помешали? А эти… – он презрительно махнул рукой.

Пошарив на столе, под ворохом бумаг я обнаружила свои часы, взглянула на циферблат и присвистнула:

– Пора отчаливать.

Наташка слабо шевельнулась в кресле.

– Может, поспишь часок здесь, а потом поедешь?

– Нет уж, – заявила я. – О спокойном сне в этом заведении мечтать не приходится, а добраться до родного жилья я способна на автопилоте.

– Выспись как следует, – проявила заботу подружка, я согласно кивнула и направилась к двери. Наталья побрела за мной.

– Ты в воскресенье за Панькова дежуришь, – сообщила она. – Помнишь? – Я вздохнула. Конечно, я помнила, как и то, что сегодня пятница, точнее, уже суббота, потому отдохнуть, как задумала, опять не удастся.

Мы покинули отделение и через приемный покой вышли из больницы. Было темно, ветрено и оттого неприютно. Наташка поежилась:

– Темень какая, хоть глаз выколи. Давай, до воскресенья…

Мы расцеловались, я направилась к стоянке, где была моя машина, а Наталья осталась возле освещенного подъезда ждать, когда я отъеду и махну рукой на прощание. Года три назад на этой самой стоянке пытались ограбить нашего главврача, с тех пор весь персонал больницы испытывает обоснованные опасения, а мы привыкли провожать друг друга.

Сейчас здесь стояло всего три машины: мой «жигуленок», «Запорожец» медбрата и шикарная «Ауди» Вовки Звягинцева из гинекологии. Поговаривали, что ему досталась богатая невеста. Везет же людям, мне вот достаются только тяжелые больные.

Я отперла машину, в душе надеясь, что она заведется хотя бы с пятой попытки – аккумулятор давным-давно пора менять. Но если я куплю новый, то в отпуск вряд ли уеду

дальше Наташкиной Снегиревки, а мне хотелось на юг. Я вздохнула, повернула ключ, мысленно канюча: будь человеком. Машина завелась с первого раза, я удивилась, а надо бы насторожиться: с чего бы это коварной богине удачи проявлять обо мне такую заботу?

Я выехала со стоянки, махнула Наташке рукой в открытое окно, прикидывая, какую избрать дорогу. Дело в том, что областная больница, в которой я работаю, расположена за чертой города в лесном массиве. Сюда можно добраться рейсовыми автобусами и троллейбусом, но они ходят редко и както неохотно. Есть, правда, маршрутные такси, эти снуют веселее. По шоссе до города километров пять, но существует еще дорога, через лес, напрямую. Она значительно короче, но и несравненно хуже. То есть дорогой она зовется совершенно незаслуженно. Наташка именует ее ослиной тропой, имея в виду меня как единственного, с ее точки зрения, осла, способного гробить здесь свою машину. По-моему, никто другой из персонала больницы проехать здесь даже не пытался. Подружка утверждает, что я принципиальный противник проторенных дорог, это не так, но, если есть шанс сократить путь, я всегда его использую.

Я притормозила на развилке, прикидывая, какую дорогу избрать сейчас. Короткая предпочтительней, но три дня назад там образовалась здоровая лужа, понадобился бы катер, чтобы пересечь ее. Я с большим трудом смогла ее объехать: на двух колесах вплотную к деревьям. Повторить этот ма-

невр в темноте мне вряд ли удастся. С другой стороны, дни стоят жаркие и лужа могла обмелеть. Переключив фары на дальний свет, я свернула вправо и оказалась в лесу. Темень была такая, что мороз по коже, несмотря на духоту.

Будет гроза, решила я, до конца открыв окно, и подумала о луже: после хорошего дождя здесь точно не проедешь. Придется пользоваться шоссе, очень оживленным, с постом ГАИ в полукилометре от поворота к больнице. Местные стражи порядка на дорогах хорошо меня знают и частенько останавливают за превышение скорости, правда, до сих пор ни разу не оштрафовали: как-то рассвирепев, я пообещала, что, если кто-нибудь из них попадет в мои руки, живым не выпущу. Не знаю, действительно ли они восприняли мою угрозу всерьез, но с тех пор вредничать – вредничали, но расходились мы всегда по-доброму. Наш человек мудр и помнит: все под богом.

Однако лишний раз встречаться с ними особого желания не было, а потому дождь был бы весьма некстати, тем более что, по моим приметам, если дождь, то сразу и холод, а я в отпуск собираюсь. Размышляя таким образом, я высматривала лужу, она где-то посередине пути, то есть вот-вот появится. Я ехала не спеша, осторожно и, честно говоря, начала клевать носом, так что, если бы не лужа, я вряд ли бы его заметила. Но лужа беспокоила меня, и глаза я время от времени продирала. В той луже я его и увидела.

Он лежал прямо посередине дороги, раскинув ноги, и,

странно вывернув голову, точно лежа на животе, пытался увидеть небо. Одна рука прижата к ребрам, а другая откинута в сторону. Ладонь как раз оказалась в луже. В целом зрелище мало приятное, но вполне обыденное. Недалеко отсюда свалка, где живут несколько бродяг, троих я знаю лично. Придется либо возвращаться, либо оттаскивать этого типа в сторону. Я тяжко вздохнула и заглушила мотор. Не могу сказать, что перспективы воодушевляли; вздохнув еще раз, я вышла из машины. Мысль об опасности даже не пришла мне в голову. Во-первых, я не пуглива, во-вторых, ценных вещей не имею, и взять с меня нечего. Если кому-то придет охота позаимствовать мою машину, так скажу прямо: не завидую я тому типу. Аккумулятор сдох, движок дымит, а задний мост устрашающе воет. Иногда я всерьез надеюсь, что какой-нибудь псих на нее позарится и я избавлюсь от проблем.

Когда я уже подходила к проклятой луже, меня внезапно охватило чувство близкой опасности, захотелось вернуться в машину: в голову лез всякий бред о сексуальных маньяках, нападающих на одиноких женщин. Я тут же себя одернула: маньяк должен быть большим оригиналом, поджидая одинокую женщину в месте, где никто не ходит и очень немногие ездят. Я усмехнулась, пытаясь вернуть себе уверенность, но беспокойство не проходило, потому к бродяге я приблизилась с осторожностью, не стала хватать за ноги и оттаскивать в сторону, а для начала оглядела его. Сразу же стало ясно: бродягой он не был. Одет в хороший костюм, причем не про-

сто хороший, а, насколько я могла судить при свете фар, дорогой. На запястье часы, по виду золотые, а на пальце здоровый перстень с бриллиантом.

Я присвистнула и огляделась: машины нигде не видно. По моим представлениям, граждане в дорогих костюмах и с бриллиантами на пальцах по ночам пешком не бродят, а в лесу им и вовсе делать нечего. Наклонившись, я проверила пульс, он едва прощупывался. Пьян мужчина не был, потому что запаха алкоголя я не чувствовала. Был другой, очень знакомый запах, вызывающий смутную тревогу.

Чтобы валяться в луже, надо основательно упиться. Человек не был бродягой и не был пьян.

– Повезло, – сказала я самой себе, встала на колени и принялась его ощупывать. Убедившись, что переломов нет, осторожно перевернула его на спину. Он застонал, веки дрогнули, а до меня дошло, что знакомый запах – это запах крови.

Правая сторона лица в крови, пиджак на груди превратился в лохмотья. Свет фар был тусклым, желтым и грозился погаснуть навсегда, потому я заторопилась и поднялась с колен.

Мужчину надо было срочно доставить в больницу. Оставалась слабая надежда, что он стал жертвой аварии. Хотя трудно представить, что он здесь прогуливался, был сбит неосторожным водителем и оставлен умирать возле грязной лужи. Честно говоря, я уже тогда знала, что это… Кроме на-

шей больницы, вокруг ничего не было похожего на место, откуда он мог возвращаться или куда мог идти. Неосторожных водителей я здесь, на лесной дороге, за пять лет ни разу не встречала. Однако за те же пять лет я успела много чего повидать: его могли сбить где угодно, а потом привезти сюда и бросить. Найдут, значит, повезло тебе, мужик, а нет, так не обессудь.

Я пошла к машине, пытаясь решить: вернуться ли в больницу и сообщить о происшествии или везти его туда самой. Чем быстрее он там окажется, тем лучше. Неизвестно, какие травмы он получил. Счет вполне мог идти не на минуты даже, а на секунды.

Я вплотную подогнала машину к нему и открыла заднюю дверцу. Моя бабушка во время войны была санитаркой, я всегда недоумевала, слушая рассказы о том, как восемнадцатилетние девчонки выносили с поля боя дюжих мужиков. Однажды я пыталась поднять своего пьяного мужа и с третьей попытки смогла лишь привалить его спиной к креслу, он тут же сполз обратно, а я махнула рукой. С той поры я только и делала, что махала на него рукой, и он как-то незаметно перестал для меня существовать. Муж обиделся (кому ж это понравится), и вот уже год мы жили врозь.

Помня тогдашнюю неудачу, я с большим сомнением вернулась к мужчине. На мое счастье, гигантом он не был. Ростом не выше меня, худой и жилистый. Я подхватила его под мышки и приподняла, с удивлением убедившись, что особых

сил мне не потребовалось. Укладывать его на сиденье я не стала: время дорого, да он мог и упасть по дороге. Пришлось ему лечь на полу. Торопливо хлопнув дверью, я для начала попыталась развернуться. Дело нелегкое. Передним бампером я задела дерево. Надо полагать, машина от этого лучше не стала, ну да бог с ней. Сейчас я думала только о том, как побыстрее довезти его до больницы. Конечно, потом станет жалко машину и досадно за свое извечное невезение. Но это лучше, чем жгучая обида, которая приходит, когда помочь ты уже не в силах, потому сейчас я и летела точно угорелая.

Над дверью приемного покоя горел неоновый свет, а медбрат Володя курил, поглядывая в темноту. Я затормозила рядом.

– За тобой что, черти гонятся? – вздохнул он.

– У нас работенка, – обрадовала я его. – Человека нашла на дороге, возможно, сбила машина.

– Хоть бы раз ты нашла чего путное, – пожаловался Брат, бросил сигарету и стал проявлять чудеса расторопности, при его комплекции и обычной лени неизменно меня удивлявшие.

Отогнав машину на стоянку, я поднялась в ординаторскую. Она была пуста. На столе горела ночная лампа, я включила верхний свет и чертыхнулась: мой элегантный костюм ярко-синего цвета был в крови.

– Не везет, так навсегда, – сказала я вслух, взяла халат и направилась в душ.

Там меня Наташка и нашла. Она хмурилась и явно нервничала.

– Плохи дела? – осведомилась я, на некоторое время высунув голову из-под струй воды.

– И никакая это не авария, – вроде бы с обидой заявила она. – Где ты его умудрилась подцепить?

– В лесу. Лежал в любимой луже.

– У него множественные пулевые ранения в область груди. Может, еще чего…

– А голова? – спросила я, принимая из ее рук полотенце.

– Ерунда. Скорее всего разбил, когда падал. Царапина. А вот грудь – это серьезно. По-моему, он давно должен был умереть. Сразу, как только схлопотал эти пули.

– Надеюсь, ты не в обиде, что он до сих пор жив? – осведомилась я, надевая халат.

– Ему всю грудь изрешетили, – не унималась Наташка. – А он держится. Прикинь?

– Да, без понятия человек, возись теперь с ним, – усмехнулась я. Наташка шла за мной и ныла:

– Ты ведь останешься?

– Я тридцать часов на ногах. Вызывай Петра Сергеевича.

– Звонят. Только ведь сегодня пятница, то есть суббота, дачный день. Мужика к операции готовят. Не можешь ты так со мной поступить…

Я плеснула в лицо холодной воды и обреченно кивнула:

– Ладно.

Петра Сергеевича разыскали под утро. Он приехал, когда операция уже закончилась. Похвалил меня с добродушной усмешкой и сказал:

– Значит, подарок из леса? Крестник то есть? Что же, если выживет, по гроб тебе обязан будет.

– Отчего ж не выживет? – обиделась я.

– Как сказал один остроумный мужчина о нашем брате: режут-то они хорошо, а вот выхаживать не умеют.

– Вы уедете? – спросила я.

– Уеду, Мариночка. Все, что возможно, ты уже сделала, а выходной – это свято. Особенно летом. Чего хмуришься? Ты ж не новичок, знать должна, что хирурги – жуткие циники. Привыкаешь, знаешь ли, когда каждый день с ножом на человека. А тебе немедленно спать. Такой красивой женщине круги под глазами строго противопоказаны.

– За красивую спасибо, а домой чуток подожду. Сами говорите: он мне вроде крестника.

Петр Сергеевич ушел, зато появилась Наташка, с бутербродами и термосом.

– Кишки от голодухи сводит, – пожаловалась она. – Выпей чаю…

– Не хочу.

– И я не хочу. А надо. Давай-ка, милая, ширнемся, как изысканно выражался мой бывший друг, ныне благородный отец семейства.

Я лениво протянула руку. Наташка быстро сделала укол мне, а потом и себе. Мы немного посидели с закрытыми глазами, ожидая, когда лекарство начнет действовать. Наташка долго молчать не умеет.

– Что бы я без тебя делала, – туманно начала она, а я насторожилась: не иначе как опять попросит за нее отдежурить.

– То же самое, что и со мной, – с некоторой суровостью ответила я.

– Никудышный я врач. Трусливая… Надо было идти в ветеринары, собачек лечить. И бабки там приличные, не чета нашим…

– Это точно, – согласилась я. – Давай чай пить. В девять придет Елена Кирилловна, тебе полегчает.

– Как я не люблю дежурить одна, – вздохнула Наташка, – прямо до стойкого физического отвращения. И всегда в мою смену что-нибудь случается… Ты заметила? Всегда… Быстрее бы лето кончилось…

– Чем тебе лето не угодило? – удивилась я.

– Так ведь отпуска… Смены черт-те какие, и ночами одна…

– Ладно жаловаться. – Я отодвинула чашку и, помолчав, спросила: – Как думаешь, выживет?

– Выживет, – кивнула Наташка. – У меня глаз наметанный, кандидатов вижу сразу… Силен мужик, шесть пуль не орешки к пиву… Я его одежду посмотрела. Думаю, стреляли

в него вовсе не на этой дороге, а где-то в лесу. А на дорогу он сам выполз. Прикидываешь?

– Жажда жизни, – вздохнула я.

– Чего? – не поняла Наташка.

– Рассказ есть у Джека Лондона.

– А-а-а. Вот что, ты больше через лес ездить не моги. Видишь, какие дела вокруг творятся? Хуже всего на свете оказаться в неудачном месте в неудачное время. Те, что в него шесть пуль выпустили, явно не жадничали, могли и тебе отвесить на всю катушку. Улавливаешь, на что я намекаю?

– Еще бы, – кивнула я. – Только ведь и я не совсем дура, заслышав автоматную очередь, в лес бы не сунулась.

– А почему автоматную? – удивилась Наташка.

Я вздохнула и поинтересовалась:

– Может, тебе и в самом деле в ветеринары податься?

Наташка стала злиться:

– Интересно, почему это… Объясни.

– Не хочу, – отрезала я. – Не из вредности, а из лени. А чем ты здесь столько лет занимаешься, для меня по-прежнему тайна.

С хрустом потянувшись, я направилась к двери, прихватив пакет с загубленным костюмом.

На стоянке медбрат поливал из шланга мою машину.

– Чехлы придется стирать, а так все в полном ажуре.

– Спасибо, благодетель, – обрадовалась я, как оказалось,

рано. Машина категорически отказывалась заводиться. Пришлось медбрату идти за нашим микроавтобусом и немного потаскать меня на буксире.

Домой я попала ближе к обеду. Спать уже не хотелось, в голове стоял ровный гул, а руки и ноги противно покалывало. Я открыла балкон, поставила кассету Фрэнка Синатры и легла на ковер, прихватив из холодильника бутылку пива.

Синатра – лучший в мире певец, у меня лучшая в мире профессия, а этот мир – лучший из возможных.

В конце концов я все-таки уснула.

Дежурство начиналось в девять. Вообще график работы у меня удобный: сутки отдежуришь, трое гуляй. Но, как правильно заметила Наташка, летом все усложняется: отпуска. Так как мне отпуск только еще предстоял, на жизнь я жаловалась вполсилы, а в воскресенье, отправляясь в больницу, испытывала некоторое нетерпение: очень меня интересовал мой «крестник». Разумеется, в больницу я звонила и о его состоянии была осведомлена, но все равно спешила.

Смену мне сдавала Елена Кирилловна, царственная дама неопределенного возраста с золотыми руками.

– Операцию ты делала? – улыбнулась она. – Молодец.

– Как он?

– В норме.

– Выживет?

– Отчего ж нет, если сразу не умер. Мужик крепкий. Пой-

дешь к нему?

– Конечно.

Я уже шла по коридору, когда Елена Кирилловна неожиданно меня окликнула:

– Мариночка…

– Да? – оглянулась я.

– Не скажешь, почему это с тобой всегда что-нибудь случается?

– Ну, это просто, – обрадовалась я. – Родилась в год Свиньи, так что у меня вся жизнь – сплошное свинство.

– Везет, – кивнула Елена Кирилловна и отправилась в ординаторскую.

– Марина Сергеевна, – от поста шла Ася, наша медсестра, мы часто дежурили вместе. – У меня в столе часы и перстень вашего дядечки. Дорогие. Пропадут, не дай бог…

– Завтра отдашь завотделением. А документы у него были?

– Нет, ничегошеньки… только перстень да часы… Кругом больные шныряют, прямо хоть на себе носи…

– Что ж, ему они пока без надобности…

Я открыла дверь и вошла в палату. На вид ему было лет пятьдесят с небольшим. Ничем не примечательное лицо с широким носом и тонкими губами. Сейчас очень бледное, с синевой под глазами. Ссадина на лбу придавала его облику что-то мальчишески-хулиганское. На пальцах левой руки,

лежавшей поверх одеяла, виднелась татуировка «Юра» – надо полагать, его имя. Волосы совершенно седые, с неприятным желтоватым оттенком.

Я осмотрела его и осталась довольна. Во-первых, у Наташки действительно глаз наметанный, и кандидатов в покойники она отмечает сразу, во-вторых, мое собственное чутье подсказывало, что до похорон дело не дойдет.

Дежурство прошло спокойно. Так как было воскресенье, большинство больных после обхода незаметно исчезли и появились только к ужину. В пустынных и гулких коридорах стало прохладно. Ася дремала над журналом, медбрат устроился на кушетке в ординаторской и нахально похрапывал, а я то и дело заглядывала к своему «крестнику».

Утром в понедельник разразился скандал. Заведовал нашим отделением мужчина сорока двух лет, элегантный, болтливый и с хорошими связями. Его жена трудилась в областной администрации, о чем он нам простодушно напоминал дважды в неделю, как правило, в мое дежурство. Павла Степановича у нас не жаловали, считали выскочкой и неумехой. Он об этом, конечно, знал и к нам относился соответственно. Я предпочитала видеться с ним как можно реже.

Наташка считала, что он в меня влюблен. Возможно, однако любовь он выражал тем, что вечно цеплялся по пустякам. Говоря без ложной скромности, я – хороший врач, и всерьез ко мне придираться затруднительно.

Время от времени он начинал пристально смотреть на меня и заводил разговор по душам. Я неизменно пугалась, таращила глаза и отвечала односложно, чем в конце концов умудрялась его изрядно разозлить, и он, указав на очередную досадную оплошность, отпускал меня с миром.

В понедельник я совершенно не планировала встречаться с Павлом Степановичем. Он приезжает к девяти, а я в девять уже сдаю дежурство. Но не тут-то было. Он явился часов в восемь.

– Светило медицины черт принес, – сказал медбрат. – В понедельник и такая невезуха. Скажи, за что?

– Да, – кивнула я. – Сидим тихо, починяем примус…

– Или на нас какой грех?

– Может, и есть, только мы об этом еще не знаем.

– Пойду-ка я порядок наводить в своем хозяйстве…

Я взглянула на ворох бумаг на столе и тяжко вздохнула.

В отделении наметилось оживление, трудоспособность персонала резко возросла, глаза засияли, а души возжаждали великих свершений. Одна я пребывала в сонно-ленивом состоянии и покидать его без видимых причин за сорок пять минут до конца смены не собиралась.

Павел Степанович рассудил иначе. Он возник в ординаторской в сопровождении двух доверенных лиц и, забыв поздороваться, начал с порога гневаться:

– Марина Сергеевна, в ваше дежурство поступил больной из первой палаты?

Речь шла о моем «крестнике», я с готовностью кивнула.

– Больной не наш, подбирать на дорогах полутрупы дело «Скорой помощи».

Я внимала, преданно глядя ему в глаза, осознавая всю тяжесть своей вины. Зайти чересчур далеко Павел Степанович все же не рискнул и гневался не более трех минут. Тут его и осенило:

– Из милиции уже были?

– Сегодня, наверное, придут, – пожала я плечами.

– Черт-те что делается, – рявкнул он. – Третий день в отделении находится больной с огнестрельным ранением, а им и дела нет.

Я порадовалась, что достанется теперь не мне, а милиции, и с облегчением вздохнула.

– Кто звонил в милицию? – спросил он.

Я пожала плечами. Тут он вновь переключился с милиции на меня и возвысил голос. Честно говоря, я это не люблю, потому нахмурилась и слегка повысила свой:

– Насколько мне известно, сообщать в милицию о поступлении больного с пулевым ранением должна медсестра приемного покоя. – Это правда, а в приемный покой он не сунется. Мой папа полком командовал, и голосом я удалась в него. Шеф заметно растерялся и сказал на полтона ниже:

– Я вас не обвиняю, но в отделении полно бездельников, могли бы проконтролировать…

Стало ясно, что достанется медбрату, его шеф особенно

не жаловал.

– Павел Степанович, – сказала я, – больной без сознания, так что для бесед с милицией совершенно не пригоден. Ничего страшного не случится, если оттуда придут позднее.

– Интересно вы рассуждаете, Марина Сергеевна, – усмехнулся он и прочел пятнадцатиминутную лекцию. Я нагло клевала носом, а под конец не удержалась и заявила:

– Я не несу ответственности за действия милиции.

– Так кто-нибудь звонил или нет?

– Понятия не имею.

Если день начался с нагоняя от начальства, добра ждать не приходится. Мотор не заводился, а когда с буксира его все-таки удалось завести, выяснилось, что ночью кто-то слил бензин. Я хлопнула дверью так, что заныла рука. Стало жалко машину, а вслед за ней и себя. Брат кашлянул за моей спиной и сказал:

– Брось. Понедельник, как известно, день тяжелый, а завтра уже вторник. Бензин у Сашки выпросим, он нам должен, как земля колхозу…

Горючее нашли и до города добирались вместе: на «Запорожце» медбрата спустило колесо, на работу он прибыл троллейбусом.

– Пальцы стучат, – заметил Брат через пару минут после того, как мы наконец тронулись с места.

– Там все стучит. Нужен ремонт, деньги и муж, лучше золотой. Мужа нет, денег нет, значит, и ремонта не будет.

– Я бы на тебе хоть завтра женился, – заверил Брат.

– Все так говорят, – усмехнулась я.

– Мужик нынче мельчает, характер давно редкость, а у тебя его на пятерых. Оттого и боязно с тобой рядом.

– Утешитель, – фыркнула я.

– Не злись, – он рукой махнул. – Опять же любишь ты хлопоты себе наживать. Вот хоть с этим мужиком…

– Чего он вам дался? – удивилась я.

– Так ведь теперь менты привяжутся: где нашла, да что видела…

– Лужу я видела, Вова, так и скажу. Как привяжутся, так и отвяжутся.

– Не сомневаюсь, – хохотнул он.

Впрочем, как бы я ни хорохорилась, но с той самой ночи, когда на лесной дороге я обнаружила мужчину с наколкой «Юра» на руке, в душе моей поселилось смутное беспокойство.

…Прогноз Брата не оправдался: милиция к нашему пациенту отнеслась с прохладцей. Жив ли, нет ли – пока не ясно, показаний дать не может, а то, что в городе стреляют и нет-нет да и убьют кого, давно уже не редкость. Задали обычные вопросы и уехали.

Тот, кого звали Юра, пришел в себя в мою смену. Я как раз была рядом. Он открыл глаза, мутные и поначалу бессмысленные, прищурился, пытаясь сфокусировать зрение, и

очень отчетливо спросил:

– Где я?

Голос низкий, хриплый, что неудивительно. Я склонилась к нему, чтобы он мог меня видеть, и заговорила спокойно и ласково, с той особой интонацией, которая появляется сама собой в разговоре с больным или ребенком.

– Вы в областной больнице, вам сделали операцию, ваша жизнь вне опасности.

– Вы кто? – спросил он с явным беспокойством.

– Я врач. Самое страшное для вас позади…

– Кто… – прохрипел он, тяжело вздохнул и с трудом закончил: – Кто привез меня сюда?

– Я и привезла.

В этот момент я и сама забеспокоилась – с ним начало твориться неладное, он дернулся и вроде бы хотел встать. Я удержала его, сообщив скороговоркой:

– Вас нашла я, на лесной дороге, тут неподалеку, и привезла сюда. Вам не о чем тревожиться, все просто отлично, мы вас быстро поставим на ноги…

Он меня не слушал, вновь попытался вскочить, пришлось звать на помощь Брата. Не для того я тащила этого Юру и ночь напролет его штопала, чтобы он вот так, ни с того ни с сего, взял да и умер у меня на руках.

Проваливаясь в беспамятство, он успел схватить мою руку и прохрипел:

– Мне нельзя здесь… нельзя.

«И как мне это понимать? – думала я, возвращаясь в ординаторскую. – Что значит «нельзя здесь»? А где тогда можно? В какой-то другой больнице, где у него есть знакомый специалист и где, как он верит, все для него сделают?»

Эта мысль мне и самой не понравилась, я решила все с кем-то обсудить. Брат вошел за мной следом. Наташка раскладывала на столе пироги с ливером и сыр, кофеварка призывно фыркала, а я терзалась.

– Слышал, что он мне сказал? – обратилась я к Брату.

– Ну… – вяло ответил он.

– Что ну, слышал или нет?

– Слышал.

– И что думаешь?

– Ничего.

– Как это ничего?

– Ты, Маринка, иногда такая зануда, просто беда. Человек имеет право думать или не думать. Я не думаю.

– А что за спор? – заинтересовалась Наташка.

– Тот, из первой палаты, сказал: «Мне нельзя здесь» – и повторил: «Нельзя». Что думаешь?

– Я? – вытаращила глаза Наташка. – Что тут думать? Бредит человек. Может, дома газ не выключил и душой туда стремится, у нас задерживаться не желает…

– Глупость какая, – начала свирепеть я.

– Отчего сразу «глупость»? – обиделась Наташка. – Бог

знает, что ему в бреду привиделось…

– Вот-вот, – влез Брат. – Давайте не будем голову ломать. Наше дело мужичка на ноги поставить, а не загадки разгадывать.

– Он боится, – твердо заявила я. – Ты же видел, что с ним стало твориться, как только он понял, где находится. Человек приходит в себя и первое, что говорит: «Мне здесь нельзя». Заметь, не просит жене сообщить или…

– Для мужичка кто-то не пожалел автоматной очереди… Лично я ничего знать не желаю. И другим не советую. Бредит себе человек, и пусть бредит.

– А может, у него с милицией нелады? Может, в розыске?

– Так ведь был милиционер.

– И что он увидел?

Мы переглянулись, и Брат заявил:

– Давайте без бурной деятельности.

– Ладно, – согласилась я. – Это дело милиции. Пусть они с ним разбираются. Мы свое дело сделали.

– Слава тебе господи, – вздохнул Брат. – На рожон не лезем.

– Наташа, узнай, не справлялся ли кто о нем…

Наташка потянулась к телефону, а я пошла в двенадцатую палату, взглянуть на послеоперационного больного.

Когда я вернулась, Наталья все еще сидела за столом и названивала по телефону.

– Никто твоим дядькой не интересуется, – заявила она. – Я менту позвонила, что сюда приходил. Говорю, надо бы родственников отыскать. А он: «Вот сами и ищите, раз ваш дядька без документов. Может, он приезжий или одинокий». Тут я сострить решила и говорю: «А может, он у вас в розыске?»

– И он к нам бросился? – догадалась я.

– Как же, жди. Говорит, а хоть бы и в розыске, далеко все равно не убежит.

– Оптимист, – усмехнулась я. – Могу ему такого порассказать…

– Никто твоего дядьку не ищет, – сказала Наташка. – А Вовка прав, не стоит нам лезть не в свое дело. Он мудрую мысль родил: а ну как им заинтересуются те самые типы, что его не дострелили? И сюда заявятся. Не знаю, как ты, а у меня ни малейшего желания присутствовать при их свидании.

Я села в кресло, разглядывая стену напротив.

– Чего как неживая? – вздохнула Наташка.

– Пытаюсь сообразить. Куда ж нам его теперь?

– Ты что, спятила? – вытаращила она глаза.

– Еще нет. Но откровенно тебе скажу: не для того я его из кусков сшивала, чтобы какой-то придурок взял его и убил.

– Ладно пугать-то… Это ж просто Вовкины домыслы, ты знаешь, он к концу смены на многое способен.

– Домыслы или нет, а ты баба глазастая, так что по сторонам поглядывай и к разговорам прислушивайся.

– Заметано. Бдительность и еще раз бдительность. Довольна?

– Не очень. Маетно мне.

– Это оттого, что ты голову себе разной чепухой забиваешь. Человек бредит, и только… – Наташка помолчала и добавила виновато: – Правда, перед этим его пытались убить…

Под утро прибежала Ася.

– Марина Сергеевна, дядечка из первой вас зовет.

– Меня? – переспросила я несколько растерянно.

– Ага, волнуется и вас просит.

Я торопливо зашагала к первой палате. Он и вправду волновался, а это как раз то, что ему сейчас никак нельзя. Увидел меня, попытался приподняться и захрипел:

– Дочка, убьют меня здесь…

– Успокойтесь, – с порога начала я. – Вы в безопасности.

– Убьют… – повторил он.

– Вы хотите, чтобы я вызвала милицию? Хотите дать показания? – спросила я, взяв его за руку. Он вроде бы усмехнулся. – Вы назвали свое имя, адрес? Мы сообщим родственникам.

– Никаких показаний… Найди человека, очень прошу… Цыганский поселок знаешь? Спроси Алену… он там… Скажешь, от Старика привет.

– Хорошо, я сообщу в милицию, они его разыщут…

Могу поклясться, он засмеялся.

– Послушайте, – попыталась я еще раз. – Этот человек, кто бы он ни был, вам не поможет. Вы перенесли тяжелую операцию и должны находиться здесь… – Тут мне пришлось заткнуться: он уже не слышал, впав в беспамятство.

Я же была в твердой памяти и здравом рассудке, по крайней мере, я так думала. А потому мне надлежало срочно решить, что делать. Может, я чересчур серьезно отношусь к его словам, но подобного бреда у больных мне раньше слышать не приходилось.

Конечно, разыскивать неизвестно кого в Цыганском поселке, куда даже днем порядочные люди старались не попадать, я не собиралась. Перевозить его сейчас просто нельзя. Мужик он живучий, но категория эта относительная и имеет свои пределы.

– Визитная карточка у тебя? – спросила я, отыскав Наташку.

– Ты имеешь в виду того типа из милиции?

– Его.

– Что – опять?

– Человек опасается за свою жизнь. Утверждает, что его здесь убьют. Я должна что-то сделать.

– Конечно, – развела руками Наташка.

Солдатова Евгения Петровича, который наведывался к нам, застать не удалось. Трубку поднял мужчина, представившийся Олегом Эдуардовичем. С максимальной убеди-

тельностью я поведала ему свою историю, особо указав на то, что страх за свою жизнь не способствует скорейшему выздоровлению больного и меня, как врача, это беспокоит. В отличие от своего коллеги Олег Эдуардович оказался более любознательным.

– Он назвал свое имя?

Я немного растерялась: может, и назвал, только я не догадалась спросить об этом у Аси.

– Сейчас я разыщу сестру и узнаю, – виновато ответила я.

– Я подъеду через час, – заверил он и записал приметы моего пациента.

Приехал он через три часа, когда я уже перестала ждать и начала подбирать слова и выражения для очередного телефонного разговора. Олег Эдуардович, оказавшийся тридцатилетним жгучим брюнетом с карими глазами и ресницами до подбородка, вошел в ординаторскую и, предъявив удостоверение, спросил:

– Можно с ним поговорить?

– Попробуйте, – кивнула я, испытывая легкое удовлетворение от того, что кто-то проявил должный интерес к моему «крестнику».

В палате Олег Эдуардович пробыл полминуты – больной спал, и беспокоить его я не позволила. Он посмотрел на бледное лицо, скользнул взглядом по наколке и кивнул.

– Вы его знаете? – не удержавшись, спросила я уже в коридоре.

– Еще бы, – вроде бы усмехнулся он. – Человек он у нас известный. И, честно вам скажу, избери вы в субботу другую дорогу, многим бы услугу оказали.

– Вы имеете в виду тех, кто его хотел убить? – сурово нахмурилась я.

Олег Эдуардович тяжело вздохнул.

– Человек этот – стойкий противник законов и почти все успел нарушить. В общем, ценным членом общества его никак не назовешь. Сейчас в городе неспокойно, думаю, в результате очередной бандитской разборки он и заполучил пули. И если бы не вы… – В голосе его звучала печаль и горькая обида. На меня это произвело впечатление.

– И что теперь? – как можно ласковее спросила я.

– Ничего, – пожал он плечами. – Лечите. Такие обычно живучие.

– Он боится, что его убьют, – напомнила я.

– В больнице? Это вряд ли… дождутся, когда выйдет, вот тогда, может быть…

Я добавила в голос ласковости:

– Вы меня не поняли. Человек боится за свою жизнь, и у него для этого есть основания. Что вы собираетесь делать?

– Я? – искренне удивился он.

– Разумеется. Насколько мне известно, именно милиция оберегает жизнь сограждан от всяческих посягательств. Или я что-то пропустила и издали новый закон?

– Мне непонятна ваша ирония, – вздохнул Олег Эдуардо-

вич.

– А мне непонятна ваша позиция, – ответила я. – Я врач и лечу людей, не спрашивая, кто они и что затеяли сотворить завтра: ограбить ребенка или взорвать весь этот мир к чертям собачьим. Я просто выполняю свой долг. У вас же есть свой. Думаю, вы обязаны его выполнять. Обязаны?

– Обязан, – неохотно согласился он. – И как, по-вашему, я должен его выполнить?

– Охранять этого человека от возможных убийц.

– Да он сам убийца, – все-таки сорвался Олег Эдуардович – нервы у него были так себе.

– Тогда посадите его в тюрьму, – кивнула я. – А если не имеете такой возможности, потому что он умнее и удачливее вас, выполняйте свой долг.

Он лучисто мне улыбнулся.

– Такая красивая женщина и такой характер, – попробовал схитрить Олег Эдуардович.

– Прекратите, – сурово отрезала я. Он убрал улыбку. Тут в коридоре появилась Ася.

– Марина Сергеевна, дядечка ваш… этот… вас зовет.

– Теперь я могу с ним поговорить? – вежливо спросил Олег Эдуардович.

– Можете, – кивнула я. – Только должна вам напомнить, что допрашивать раненых и больных, находящихся под действием наркотических средств, вы не имеете права. Все, что он вам сейчас скажет, в суде недействительно.

– Марина Сергеевна, – вздохнул он, – вашу бы энергию да в другое русло… – Он пошел в палату, а я стала ждать, что из этого выйдет.

Появился он где-то через полчаса.

– Что он вам сказал? – вежливо поинтересовалась я.

– А ничего, – усмехнулся Олег Эдуардович с некоторым злорадством. – Темно было, никого не видел, ничего не слышал и знать не знает, за что в него могли стрелять. Обычная история: они всегда молчат.

– Послушайте, но ведь он мне сказал… – начала я.

– Да? А мне он ничего не сказал. Всего доброго, Марина Сергеевна. – Он проникновенно улыбнулся на прощание и зашагал к выходу. Поразмышляв, я решила навестить завотделением. С утра он пребывал в благодушном настроении и меня встретил милостиво. Я начала с места в карьер:

– Павел Степанович, просто не знаю, что делать. Больной из первой палаты, Стариков, заявил, что его хотят убить. Я позвонила в милицию, пришел их сотрудник, поговорил с больным и ушел. Вроде бы их все это не касается. А если Стариков прав и его действительно здесь у нас убьют? Нужен нам труп в отделении?

Трупы мы не жаловали в принципе, а попасть в газету в раздел «Криминальная хроника» и вовсе было делом неприятным. Непременно копать начнут, лезть во все щели и задавать вопросы, например, почему сотрудников на данное время оказалось вдвое меньше, чем положено… Эти мысли

отчетливо читались на высоком челе моего шефа.

– Они совершенно не желают понять, что у нас здесь больница и мы несем ответственность за людей… Даже теоретическая опасность… – зашлась я от негодования, а потом вожделенно поглядела на бутылку боржоми. Шеф торопливо налил мне целый стакан и уверенно заявил:

– Я сейчас же этим займусь. Не волнуйтесь, Марина Сергеевна, работайте спокойно, а этим деятелям придется несладко.

Слово шефа дорогого стоило: к концу моего дежурства возле двери первой палаты сидел милиционер в штатском, слегка расхлябанный и скучающий. Но это все же лучше, чем ничего.

Так совершенно незаметно спасение жизни незнакомого человека стало для меня личным делом. Хотя у него и имелись имя и фамилия, с легкой Наташкиной руки все в отделении называли его «твой дядька», и я сама, забываясь, говорила «мой», испытывая за него некоторую гордость: он уверенно и быстро шел на поправку. Одно было плохо: «мой дядька» никак не желал поверить, что находится в безопасности.

Я пыталась навести справки о его родных. Олег Эдуардович, к которому я обратилась вновь, несколько раздраженно заявил, что знает только одного близкого родственника моего пациента: зовут его серый волк и обитает он в тамбовских

лесах. Я не стала сердиться на человека.

Собственные мои попытки отыскать его родственников к успеху не привели.

– Не слишком ли далеко ты заходишь? – недоумевала Наташка.

– А я никогда не разделяла твоей страсти к полумерам. Берешься за дело, так делай по максимуму.

В четверг Стариков окончательно пришел в сознание, и сразу же наметилось ухудшение. Больной волновался и звал меня.

– Ты съездила? – спросил он, как только я вошла в палату. – Нашла его?

– Послушайте, – начала я, – возле вашей двери дежурит милиционер, здесь вы в безопасности…

– Дурочка, – зло засмеялся он и тут же протянул ко мне руку. – Прости, дочка. Мне надо уходить отсюда.

– Вы не понимаете… вам нельзя. Еще минимум две недели… И даже после этого вы должны находиться под наблюдением врача.

– Они быстро узнают, – заметался он. – Я здесь как заяц в силке… Дочка, отыщи моего парня, только скажи ему, а он найдет выход…

– Хорошо, давайте я позвоню ему. Телефон есть?

– Какой телефон… – Он засмеялся и покачал головой. – Найди его, слышишь, Алена должна знать… – Он так раз-

волновался, что ему пришлось сделать укол. Я пребывала в смятении. Может, действительно стоит съездить в этот Цыганский поселок? Искать там неведомую Алену и спрашивать о каком-то парне, которого «дядька» даже не удосужился назвать по имени? Нет, все это здорово отдавало дрянным детективом, к тому же ехать туда одна я просто боюсь, а желающие составить мне компанию вряд ли отыщутся.

Около двенадцати меня разыскала Ася.

– Марина Сергеевна, – с видом профессионального заговорщика зашептала она, – сейчас звонили по поводу вашего…

– Хорошо, – пожала я плечами. – Должно быть, родственники нашлись.

Ася кашлянула и заметила виновато:

– Голос такой противный, спрашивал, пришел ли в себя…

Я насторожилась. Асины сомнения вдруг передались и мне.

– А ты что сказала?

– А я сказала, что по телефону справок не даем, и трубку бросила. А он опять звонит. Я ему: обратитесь к лечащему врачу.

– Правильно, – кивнула я, Ася улыбнулась.

– Боязно, Марина Сергеевна, – через минуту сказала она. – А эти, что у палаты должны дежурить, на посту сидят с медсестрами. А то курить уйдут, и на целый час…

– Указывать, где им сидеть, мы с тобой, пожалуй, не можем…

– Да уж… целый день языками чешут, а такие крутые, куда деваться…

– Ты повнимательнее будь, если что-то не так, сразу ко мне.

Беспокойство тугим клубком залегло где-то в левой стороне груди и больше не отпускало. В три часа в ординаторскую постучали. Я крикнула:

– Да.

Дверь открылась, заглянула Ася и сказала:

– Марина Сергеевна, тут родственник больного, спрашивает о состоянии…

– Проходите, – кивнула я, и он вошел.

– Здравствуйте.

Его глаза впились в мое лицо и проглотили его вместе с белой шапочкой на голове.

– Садитесь, пожалуйста, – сказала я и стала перекладывать на столе бумаги. Мне требовалась как минимум минута, чтобы унять сердцебиение и прийти в себя. Тип, что сидел напротив, вызывал в моей душе смятение. Узкое лицо, узкие глаза, узкий рот. Хищный, как ястреб. Мне стало ясно: он именно тот, кого смертельно боялся мой подопечный.

Закончив с бумагами, я сложила руки, довольная тем, что они не дрожат, ободряюще улыбнулась и сказала:

– Я вас слушаю.

– Меня интересует Стариков Юрий Петрович.

Я подняла брови.

– Стариков… ах, да, первая палата. Он поступил без документов и лежал, так сказать, безымянный. Нам пришлось обратиться в милицию. Одну минуту… – Я стала вновь перекладывать бумаги. Он пристально наблюдал за мной. Не взгляд, а луч лазера. – Вы родственник? – спросила я.

– Да.

– Близкий?

– Ближе у него нет.

– Что ж… буду с вами откровенна… – Я прочитала десятиминутную лекцию, обильно снабдив ее латинскими терминами.

Он мог понять одно слово из двадцати, если, конечно, не был врачом. Врачом он не был, он был убийцей, я это кожей чувствовала. Внимательно слушал, надеясь, что я подавлюсь очередным труднопроизносимым словом и скончаюсь от удушья. Подобные слова – мое хобби, от них я не умру, так же как от его взгляда, как бы он ни старался просверлить во мне основательную дыру. Для моей кончины требовалось кое-что посущественнее.

Я обратила внимание на карман его пиджака. Он заметно оттопыривался и наводил на невеселые мысли. Я произнесла последнюю фразу, с сочувствием вздохнула и закрыла рот.

– Как он, доктор, выкарабкается? – разлепил узкие губы этот тип.

– Делаем все возможное, – пожала я плечами. – Но вы должны понять: врачи не боги. Он до сих пор не пришел в себя, и его состояние особого оптимизма не внушает.

– Но шанс есть?

Я опять пожала плечами.

– Шанс есть всегда. Более или менее значительный… В этом случае скорее менее… В общем, ничего обещать вам, к сожалению, не могу.

– Но надеяться-то можно? – не унимался тип.

Я пожала плечами в третий раз.

– Чудеса еще случаются…

– А взглянуть на него я могу? – хищно спросил тип.

– Он в реанимации, доступ туда закрыт, но вы можете увидеть его в окно. Идемте, – сказала я и повела его к первой палате. Он торопливо заглянул в окошко. Стариков Юрий Петрович лежал неподвижно, с голубоватой бледностью в лице и плотно сомкнутыми веками. Гостю он, должно быть, понравился.

– Он неплохо выглядит, – заверила я.

– Да уж… – как-то туманно ответил он, и мы пошли к выходу.

– А почему он к вам попал? – спросил тип. – Мы через «Скорую помощь» искали.

– Его доставила не «Скорая помощь», а какой-то водитель на своей машине. Обнаружил на лесной дороге.

– Адрес оставил? – жестко осведомился тип и поспешно

добавил: – Надо бы отблагодарить человека.

«Уж как-нибудь без вашей благодарности», – подумала я, а вслух сказала:

– К сожалению, нет. Он не представился, а нам и вовсе не до расспросов было, требовалась срочная операция. Попробуйте дать объявление в газету, может, откликнется.

Идея ему не особенно понравилась, и правильно, откликаться на его объявление я точно не стану.

Заботливый родственник сказал «до свидания» и удалился, так и не поинтересовавшись, что же случилось с близким человеком: авария или внезапный приступ аппендицита. Да и зачем, он не хуже меня знал, что аппендицитом здесь не пахнет. Может, те пули, что я извлекала с таким старанием, именно он и послал в цель?

Я вернулась к первой палате. Охрана в образе мордастого парня лет тридцати тосковала на стуле.

– Вы уже сообщили своему начальству? – ласково спросила я.

– О чем? – удивился он.

– О том, что Стариковым интересовался очень подозрительный тип. Ася ведь вас предупредила?

– Ну… предупредила, – отозвался он. – А почему сразу «подозрительный»? Пришел человек о здоровье справиться… Детективы надо меньше смотреть.

Мне очень хотелось свернуть ему шею, думаю, у меня неплохо бы получилось. Я и помыслить не могла, что всего

через несколько часов я приложу немало усилий, чтобы вернуть к жизни этого сукиного сына, сидящего передо мной в ленивой позе.

Посовещавшись с Наташкой, я решила, что интерес к моему «крестнику» на некоторое время должен поутихнуть. Как выяснилось, мы жестоко заблуждались.

Около восьми в отделении появился посетитель. Я спешила по делам. А он шел по коридору мне навстречу. Поначалу я не обратила на него внимания, идет себе человек в белом халате, как видно, навестить родственника… И вдруг натолкнулась на его взгляд. Тот «дневной» тип рядом с ним выглядел невинным младенцем. Сердце подскочило и забилось где-то в горле.

Я быстро огляделась: слишком много людей вокруг, чтобы он мог вести себя особенно нагло. Даже типы с такими сумасшедшими глазами не открывают без причины стрельбу.

Я проводила его взглядом, он уверенно шел к первой палате. Мне хорошо был виден коридор и пустой стул, на котором должен был восседать охранник.

– Молодой человек, вы куда? – окликнула я. – Там реанимация, посторонним вход запрещен.

В этот момент из третьей палаты появился медбрат с капельницей, преграждая ему путь. Тип притормозил, мазнул глазами вокруг и, не отвечая, пошел к выходу. Я предусмотрительно шарахнулась в сторону, съежившись под его взгля-

дом до размеров булавочной головки. Мне расхотелось спрашивать, что он здесь делает. Впрочем, мудрость не свойственна одиноким женщинам, рожденным в год Свиньи, теперь мне это доподлинно известно.

Я бросилась искать охранника. Он шел из туалета, я подскочила к нему и машинально схватила за локоть.

– Только что в отделении был убийца…

– Серьезно? А вы откуда знаете?

– Вы бы видели его глаза…

– Вы бы видели глаза моей жены, когда я ей зарплату приношу…

– По крайней мере, не отходите от палаты.

– Что ж теперь, и в туалет нельзя?

Я покачала головой и пошла в ординаторскую. Наташки там не было. Я постояла немного, разглядывая линолеум, порванный в двух местах, и вернулась в коридор. Этот визит навел меня на мысль, что «крестник» мой до утра не доживет. Если я, конечно, не вмешаюсь.

Лестничная клетка отделяла хирургию от терапевтического отделения. Я направилась туда. Дверь терапии запиралась на крючок, я слегка ее подергала, и она открылась: фокус, известный всем в обоих отделениях. Лампы в этом крыле выключены, значит, палаты пустуют. Ближайшая ко мне «платная» с телевизором и душем была заперта, но ключ торчал в замке.

Я открыла дверь и вошла. На пару часов лучшего убежища не найти. Я торопливо вернулась в свое отделение. Наташка сидела в ординаторской.

– Ты чего дерганая какая-то? – спросила она.

– К нему приходили. Убийца.

– Что, так и представился?

– Без надобности. По глазам видела. Сначала один – днем, а сейчас еще один со звериным взглядом. Если мы дядьку не вывезем, он труп.

– Спятила, – растерялась Наташка. – Что значит вывезем? Его место в больнице. И куда мы его перевезем, к тебе на квартиру? Можно, конечно, ко мне, да соседи на стенку полезут, скажут, опять мужика притащила.

– Он мне адрес дал… Подменишь меня, я мигом…

– Маринка, это не наше дело… В конце концов, ты можешь ошибаться.

– Точно, только проверять, так ли это, охоты нет никакой. Если мы его вывезем, у него появится шанс.

– Мы его не вывезем, – серьезно возразила она. – Некуда, это во-первых, во-вторых, если ты права, то они наверняка следят за больницей. Нас засекут и убьют вместе с ним.

– Точно. Поэтому мы спрячем его здесь, в больнице, в терапии, в платной палате. Ночью туда никто не сунется, свет можно не включать, а ключ возьмем с собой.

– А если ему станет хуже?

– Рискнем.

– Ты понимаешь, что это подсудное дело?

– Жизнь человеку спасти?

– Маринка, менты говорят, он бандит.

– Ага. Мы будем сидеть и ждать, когда его убьют.

– Позвони в милицию.

– Да им плевать… Ладно, не суйся. Помоги мне переложить его на каталку, а дальше я сама.

– Дура, мать твою… – рявкнула Наташка и шагнула к двери.

Вся процедура заняла минут двадцать. Работы слаженнее мне в жизни наблюдать не приходилось. Наташка работала как швейцарские часы: уверенно и с максимальной точностью, а про меня и говорить нечего.

Нам повезло, к этому времени пациенты уже заняли свои места ближе к телевизору, и мы беспрепятственно перевезли «крестника» в соседнее отделение, ни в коридоре, ни на лестничной клетке не встретив ни души.

– Оставим его на каталке? – заговорщицки прошептала Наташка уже в палате.

– Конечно. Одна здесь справишься?

– Справлюсь. А ты?

– Меня этот тип беспокоит, как бы он не вернулся.

– И что ты сделаешь? – ехидно спросила она.

– Откуда мне знать? Встану грудью. Между прочим, у нас больные…

– Да знаю я, знаю… А душа тоскует… Не делом мы занялись.

Дослушивать я не стала, выскользнула из палаты и вернулась в отделение. Стул возле первой палаты по-прежнему пустовал. Я прошла по коридору. Дверь на лестничную клетку была открыта. Спустилась на первый этаж. Возле подъезда на скамейке сидели две молодые женщины и курили. Пришлось напомнить им о режиме. Очень неохотно они отправились в палату. Я заперла дверь на засов, впервые согласившись с начальством, что дисциплина в больнице заметно упала.

Поднялась в отделение, заперла дверь на ключ и даже несколько раз толкнула ее плечом. Не будут же они брать отделение штурмом? Или будут?

Мордастый парень сидел на третьем посту и хихикал с медсестрой.

– Прошу прощения, – сухо сказала я. – Но ваше место возле первой палаты.

– Да ладно… – начал он, но под моим ледяным взглядом поднялся и неторопливо зашагал к своему посту. Медсестра притихла и стала что-то искать в столе. Ну вот, сегодня я у всех вызываю отрицательные эмоции.

Я прошла по отделению, заглядывая в палаты. Беспокойство меня не отпускало, я чувствовала себя как в осажденной крепости. Вернулась встревоженная Наташка.

– Дверь заперла?

– Конечно. Как ты велела. И вышла через первый пост. Ох и получим мы по ушам…

– Не канючь. Ты здесь вообще ни при чем.

– Как бы не так, – разозлилась она.

– Ладно, я поехала. Надеюсь за час обернуться. Только бы без сюрпризов… Справишься?

– Куда ты едешь?

– Цыганский поселок…

– Куда? – вытаращила она глаза.

– Долго объяснять… Если что, звони в милицию. На этого типа, что у палаты тоскует, надежды никакой.

– У него пистолет есть, сама видела.

– Идем. Выпустишь меня и дверь запрешь.

Я сбросила халат, прихватила сумку и покинула больницу через приемный покой.

Было еще светло, но в кустах у стоянки сгустились сумерки и идти туда не хотелось. Я зябко поежилась. А если за мной следят? Ладно валять дурака, одернула я себя. С какой стати им за тобой следить?

Тут я подумала о машине и глухо застонала. А что, если она не заведется, на буксире таскать? Объясняй потом, по какой надобности и куда меня в рабочее время нелегкая носила. Я устроилась на сиденье, сделав несколько весьма дельных замечаний своей машине. Она неожиданно прониклась, потому что завелась сразу. Мысленно перекрестившись, я рванула с места.

Дорога была каждая минута, но ехать через лес я все-таки не рискнула. И изводила себя дурными мыслями. По существу, пытаясь спасти одного человека, я рисковала жизнями других. Ладно, там Наташка, кое-что она умеет не хуже меня, хоть и любит иногда прикидываться.

То и дело поглядывая в зеркало заднего обзора, я вылетела на шоссе. Про пост ГАИ, конечно, забыла. Страж дороги выпорхнул из тени будки, но, опознав мое транспортное средство, демонстративно отвернулся. Я попыталась выжать из машины все, на что она теоретически была способна.

Так называемый Цыганский поселок находился за железнодорожным переездом. Сбившиеся кучей несколько домов на отшибе, асфальта здесь не было, а само место пользовалось дурной славой. По доброй воле я бы ни за что сюда не сунулась.

Переезд был открыт, еще одна удача. Слева высились здания химкомбината, а дальше начиналась дикая территория, без уличного освещения и прочих благ цивилизации.

Тут я сообразила, что точного адреса у меня нет. Мало того, я даже не знаю, кого ищу. Неведомый «он», который должен спасти жизнь человеку, тоже мне незнакомому. Я почувствовала себя дурой, но отступать было поздно: надо попытаться отыскать Алену, а там посмотрим…

Я въехала на единственную в поселке улицу, хотя назвать ее улицей было нельзя. По какому принципу здесь располагались дома, не понять самому господу богу. Меня встрети-

ли сумерки, лай собак и полное отсутствие граждан на улице. Покидать машину было страшно, а кричать «Алена» глупо. Впору разреветься или плюнуть на эту затею и вернуться в больницу. В конце концов, есть милиция, и им за что-то платят деньги.

Искушение было весьма велико. Тут хлопнула калитка, и справа возник мальчишка лет семи с пушистым котом на руках.

– Мальчик, – обрадовалась я, – где здесь живет Алена?

Мальчишка нахмурился, подозрительно глядя на меня и мою машину.

«А если здесь не одна Алена?» – с опозданием подумала я.

– Зачем она вам? – наконец спросил мальчишка.

– У меня к ней важное дело, – заискивающе пояснила я и добавила: – Честно.

– Поезжайте за мной, покажу.

Через несколько минут мы оказались возле садовой ограды. Мальчишка подошел к калитке и, не обращая на меня внимания, исчез в саду. Я стала ждать. Прошло минут десять, не меньше, наконец появилась женщина. Ничего цыганского, как и в мальчишке, в ней не было. Обыкновенная женщина лет тридцати в цветастом халате. Я обрадовалась, но, как выяснилось, рано.

– Чего вам? – хмуро спросила она.

– Я ищу Алену.

– Ну, я Алена и что?

– А другой здесь нет? – насторожилась я.

– Вам чего надо?

– Так есть или нет?

– Нет.

– Видите ли, – вздохнув начала я, – меня человек послал, он сейчас в больнице. Сказал: «Найди Алену, передай, что Старик прислал, он у нее». Я не знаю, кто такой этот «он», но мне он очень нужен.

Женщина усмехнулась.

– Мне всякие глупости слушать некогда.

– Подождите, – я испугалась, что она сейчас же уйдет. – Я понимаю, что все это звучит глупо, но если тот, кто мне нужен, у вас, передайте, что речь идет о жизни этого самого Старика. Зовут его Стариков Юрий Петрович. Вам это ни о чем не говорит?

– Ни о чем. Я живу вдвоем с сыном. Кто-то над вами подшутил.

Она резко повернулась и исчезла за калиткой. А я осталась сидеть в машине. Может быть, я что-то напутала? Ничего я не напутала: это Цыганский поселок, Алена, и именно здесь должен быть тот, кто мне нужен. По крайней мере, Алена должна знать, где его найти.

Я посидела немного, собираясь с силами. Потом вышла из машины и решительно направилась к калитке. Не для того я потратила столько сил, чтобы проиграть из-за упрямства какой-то бабы.

Я подходила к крыльцу, когда дверь широко распахнулась и женщина сказала мне:

– Заходите…

Я вошла и оказалась в небольшой чистенькой кухне, мальчишка сидел за столом, но при моем появлении торопливо поднялся и исчез за дверью.

– Садитесь, – кивнула женщина, и я села на стул, который перед этим занимал ее сын. А она попросила: – Расскажите, в чем дело…

– Я врач областной больницы, в субботу ночью к нам поступил мужчина с огнестрельным ранением. После операции пришел в себя, попросил найти человека, который должен быть у вас. Стариков считает, что находиться в больнице для него опасно. Поначалу я не очень обращала на его слова внимание, но сегодня кое-что произошло, и я испугалась. Думаю, он прав, и его действительно хотят убить…

В этот момент я почувствовала чье-то присутствие, оглянулась и едва не вскрикнула от неожиданности: возле двери стоял мужчина и внимательно меня рассматривал. Все типы, виденные мною в этот день, разом показались симпатягами.

Он был огромным. Не просто высоким и крепким, а именно огромным. Наголо бритая голова с небольшими приплюснутыми ушами. Противнее физиономии я в жизни не видела. А глаза яркие, настороженные и пустые, как у ящерицы. Он здорово напоминал динозавра: максимум силы и агрессии, минимум интеллекта. Такой способен разорвать чело-

века на куски и, не оборачиваясь, пойти дальше. В общем, он был человекообразен, если применять этот термин в расширенном смысле.

С опозданием я начала понимать, во что ввязалась. Мне разом захотелось три вещи: посетить туалет, выпить воды и упасть в обморок. Я решила ограничиться водой, перевела взгляд на хозяйку и попросила:

– Можно стакан воды?

Она с пониманием кивнула. Я торопливо выпила целую чашку, легче от этого не стало.

Верзила прошел в кухню и сел за стол прямо напротив меня. Дом слегка содрогнулся под его шагами, а я испуганно поежилась.

– Рассказывай, – произнес он, пристально глядя в мое лицо. Голос у него был странным: я-то ожидала громогласный рык или леденящий душу хрип, а он говорил тихо, с ленцой. Неизвестно почему, это пугало еще больше. Мне захотелось стать хамелеоном и слиться с обоями на стене, тогда я чувствовала бы себя много лучше.

Я торопливо повторила свою историю. Он слушал не перебивая, продолжая сверлить меня взглядом. Я выбрала точку в стене чуть выше его плеча и уставилась на нее. Так было легче переносить тяготы жизни.

Произвел мой рассказ впечатление или нет, судить не берусь. На его физиономии ничего не отразилось. Верзила поднялся и сказал своим ни на что не похожим голосом:

– Едем.

– Куда? – растерялась я.

– В больницу, – терпеливо пояснил он.

– Да вы не поняли. – Я вздохнула, посмотрела на него и отвела глаза. – Вы не можете вот так просто забрать его. Нужен врач, специальные аппараты…

Он кивнул, но понял меня или нет, по-прежнему оставалось загадкой. Видя, что я не собираюсь подниматься со стула, он добавил:

– Все будет, – и вышел с кухни.

Я перевела взгляд на хозяйку. Она стояла у окна, хмурилась и теребила пояс халата. Минут через десять верзила вновь появился в кухне, кивнул мне и пошел к выходу. Я отправилась следом.

Пока я искала ключи от машины, он терпеливо стоял рядом и вроде бы смотрел на куст сирени напротив. Ключи я нашла, села в машину, прикидывая: заведется она или нет? Она не завелась. Поурчала, поурчала и стихла. Запас ее благородства на сегодня был исчерпан.

Я испуганно посмотрела в окно. Верзила исчез. Тут на улице показался мальчишка, распахнул ворота, которые я до этой минуты не замечала, и на дорогу вылетела темная «Ауди». Правая дверь открылась, и тихий голос позвал:

– Садись.

Как ни была я напугана, но головы не теряла.

– Я не могу ее здесь бросить, – развела я руками.

– Не переживай, – сказал верзила и отвернулся. Мысленно чертыхаясь, я покинула свою машину и пересела к нему. Он сказал: – Пристегнись. – И мы полетели.

Через две минуты я поняла, что сильно заблуждалась на свой счет. На самом деле я очень дисциплинированный водитель и о настоящей скорости не имею представления. Я зажмурилась, вжала голову в плечи и попробовала думать о чем-то приятном.

Когда сердце стало биться в нормальном ритме, я рискнула приоткрыть левый глаз. Верзила как раз звонил по телефону. Спросил:

– Все готово?

Не знаю, что ему ответили, он молча убрал телефон и сосредоточился на дороге. Мы свернули к больнице.

– Они ведь могут следить, – неуверенно произнесла я. Он кивнул. Разговорчивым его не назовешь.

К стоянке он проезжать не стал, свернул к гаражам и очень медленно объехал вокруг здания больницы. Сделав полный круг, опять свернул и остановился на полпути к лесной дороге. Я начала злиться: сколько сил потрачено, а он ведет себя как придурок.

– Послушайте, – начала я. Он повернулся ко мне, и я замолчала.

– Что? – немного подождав, спросил он. Я вздохнула.

– Через приемный покой вы незаметно пройти не сможете, а в подъезд опасно: они ведь могут следить.

– Где он?

– Второй этаж, терапевтическое отделение, семнадцатая палата.

– Я пойду.

Мне ничего не оставалось, как покинуть машину. Стараясь выглядеть естественно, я через приемный покой вошла в здание больницы, поднялась на второй этаж и постучала в дверь терапевтического отделения. Открыла мне сестра с третьего поста.

– Добрый вечер, – сказала я. – Как дежурство? Варвара Сергеевна здесь?

– Здравствуйте, она в ординаторской.

Варька дремала на кушетке, услышав скрип двери, подняла голову.

– Спи, – тихо сказала я. – Журнал возьму…

– В верхнем ящике, – зевнула Варька. – У тебя кофе есть? Все выхлебали, гады, а купить некому. Что за люди, а?

– Приходи через полчасика…

– Как у вас, тихо?

– Бог миловал… – Я взяла журнал «Смена» и осторожно вышла. Медсестра первого поста подняла голову. – На крючок не запирайтесь, – сказала я. – Я сейчас вернусь.

Она равнодушно кивнула. Пока все идет отлично. Я постучала в дверь своего отделения.

– Кто? – спросила Наташка, голос дрожал.

– Я.

– Слава тебе господи… – зашептала она, впуская меня.

– Как дела?

– Все нормально, только страшно очень, черт знает почему. Нашла, кого искала?

– Нашла. Ключи от бокового входа у тебя?

– Вот. И от отделения, и от бокового входа. Может, мне с тобой?

– Запри дверь и не высовывайся. – Взяв ключи, я вернулась в терапию. Коридор тонул в темноте. Я шагнула к палате и резко повернулась. От стены отделился темный силуэт, свет из окна упал на него, и я с облегчением вздохнула: тот самый верзила. Спрашивать, как он сюда попал, охоты не было.

Я открыла дверь палаты, мы вошли, он сразу же направился к каталке. Свет я не включала, но было не настолько темно, чтобы он не смог разглядеть лицо лежавшего на ней человека. Дядька был в сознании, попробовал улыбнуться:

– Ты…

– Я, – кивнул верзила.

– Слава богу. – Он перевел взгляд на меня и добавил: – Спасибо, дочка.

Все остальное заняло несколько минут. Я еще только соображала, как вывести больного, а верзила уже подхватил его на руки и шагнул к двери. Давать советы я поостереглась, мне хотелось только одного: чтобы они поскорее исчезли из

моей жизни.

Я шла впереди, указывая дорогу. Если бы мы вдруг встретили кого-нибудь из персонала больницы, мне пришлось бы долго объяснять, что за чертовщина здесь происходит. Но мы никого не встретили. С сильно бьющимся сердцем я открыла уличную дверь и осторожно выглянула. Отсюда до машины верзилы было довольно далеко. В этот момент он высунулся и тихо свистнул. В ту же минуту из-за угла появилась «Скорая помощь».

Я растерянно замерла, а из «Скорой помощи» вышел врач, по виду самый что ни на есть настоящий. Двери распахнулись, моего бывшего пациента умело загрузили, и, подмигнув мне габаритами, машина скрылась за углом. Я стояла с открытым ртом и потому прозевала номер машины, как в свое время шанс удачно выйти замуж.

В задумчивости я пребывала минут десять, стараясь понять: действительно ли все кончилось, или это лишь мои мечты. Потом вернулась в больницу, заперла дверь и уже гораздо увереннее стала подниматься в свое отделение.

Над головой хлопнула дверь, раздался стук, а вслед за ним Варькин голос:

– Эй, вы чего закрылись?

Встречаться с ней сейчас было неразумно, я вернулась на первый этаж, где у нас гинекология, прошла к центральному подъезду и отсюда поднялась на второй этаж.

Дверь в отделение была открыта. Это меня насторожило.

Хотя виновник моих тревог отбыл в неизвестном направлении, страх почему-то не исчез, и открытая дверь прямо-таки пугала. Из приемного покоя больных доставляют на лифте, а ключ от двери должен быть у Наташки. Следовательно, открыть дверь никто из персонала, а тем более из больных не мог.

Я торопливо зашагала по коридору, свернула за угол и тут увидела его: тип в белом халате со взглядом убийцы возвращался от первой палаты. Поравнявшись с ординаторской, он толкнул дверь и вошел, а я буквально похолодела. И кинулась к первому посту. Медсестры там не было, зато из четвертой палаты появилась Наташка.

– Кто в ординаторской? – испуганно спросила я.

– Никого. Я пять минут как оттуда.

– А ключ?

– Да там не заперто. Все нормально? Увезли? Ты чего такая?

– Ключ у тебя?

– В двери торчит…

– Позвони с поста в милицию: этот здесь. И найди охранника, черт знает где его опять носит.

Наташка попыталась еще что-то спросить, а я уже неслась по коридору. До ординаторской оставалось всего несколько метров, когда дверь палаты напротив открылась и в коридоре показался один из больных, Иван Петрович. Господи, что ему здесь понадобилось?

– Марина Сергеевна, сосед на боли жалуется…

У меня засосало под ложечкой, тот, в ординаторской, наверняка его слышит. Как можно спокойнее я ответила:

– Вернитесь, пожалуйста, в палату, я сейчас подойду.

Он ушел, а я шагнула к двери, больше всего на свете боясь, что столкнусь с тем типом нос к носу. Но он, как видно, решил не торопиться.

Левой рукой я ухватилась за ручку двери, а правой быстро повернула ключ в замке, дважды. И к стене привалилась. Теперь главное, чтобы никто не появился в коридоре.

В ординаторской было тихо, ни шагов, ни подозрительного шороха. Наташка торопливо шла мне навстречу.

– Позвонила? – спросила я.

– Ага. А охранника нигде нет.

Я так и стояла у двери до тех пор, пока не приехала милиция. Явились они быстро, но мой рассказ впечатления не произвел.

– У него может быть оружие, – предположила я. – Надо эвакуировать больных…

Один из прибывших взглянул на меня с сожалением, спросил:

– Ключ где?

– В двери, – ответила я и наконец отлепилась от стены.

Он деловито шагнул вперед, а его товарищи выжидающе уставились на дверь. Она открылась, он вошел, правда, с осторожностью. Вслед за ним вошли остальные. Я тоже во-

шла.

Ординаторская была пуста. Легкий ветерок шевелил занавеску на открытом окне.

– Удрал, – высказала я предположение. Тот, что был за главного, выглянул в окно, хмыкнул и сказал:

– Конечно.

Мне не понять его иронии, лично для меня второй этаж проблема. Впрочем, тот, что здесь недавно расхаживал, выглядел очень решительно. Все дружно посмотрели на меня, а я чувствовала себя полной дурой.

– Что ж, – опять усмехнулся главный. – Бывает…

– Что бывает? – ринулась я в атаку. – По-вашему, я все это придумала?

Он пожал плечами:

– Я этого не говорил…

– Но вы так думаете.

– Думать я могу что угодно. Это не возбраняется. Но поднимать людей по тревоге только потому, что вам что-то привиделось…

– Вы его лица не видели.

– Ах, лица… тогда конечно. – Он кивнул на телевизор: – Беда от этого ящика… – и пошел из ординаторской.

Я хотела возмутиться, но передумала. Тот, за чью жизнь я волновалась, благополучно покинул эти стены, а остальное не мое дело: на один вечер неприятностей хватит… Как оказалось, я ошиблась: все было еще впереди.

Стражи порядка шли по коридору, когда из первой палаты выскочила Ася с совершенно белым лицом.

– Марина Сергеевна, – стуча зубами, сказала она. – Там, в палате, охранник, раненый. А дядечки нет…

Стражи как по команде развернулись и ускорили шаг. Но до меня им было далеко.

Наш незадачливый охранник полулежал в углу, держась руками за живот, между пальцев стекала кровь, а сам он был без сознания.

– Черт… – кто-то охнул за спиной в два голоса, но мне уже было не до этого…

Задать мне свои вопросы в тот день им так и не удалось. Я была вымотана до предела и от разговоров решительно уклонилась. Прибыл шеф, взглянул на меня и тоже оставил подобную попытку. Что далее происходило в отделении, мне неведомо. Думаю, ничего хорошего. Больной исчез, а человек, который по долгу службы должен был охранять его, лежал в двенадцатой палате. Выходило, что беспокоилась я не зря, а вот кое-кому надлежало задуматься.

На следующий день мне все-таки пришлось поговорить с лысым дядькой в очках, который задавал каверзные вопросы. Я честно отвечала на большинство из них. Остальные попросту игнорировала.

Как и куда исчез Стариков Юрий Петрович, для всех оставалось тайной. Наташка в тот же день попробовала ее разга-

дать и обрушила на меня град вопросов. Я и не думала на них отвечать, вместо этого задала свой:

– Ты на машине?

– Спятила? Она вторую неделю без резины.

– Свистнули, что ли?

– А как же, только называется это «разули». И я тебе про машину рассказывала.

– Наверное. Только я забыла. Извини. Придется нам с тобой на троллейбусе ехать.

– А как же твоя? – насторожилась Наташка.

– А мою, наверное, тоже разули. – Мы как раз выходили из подъезда.

– Ты издеваешься, что ли? – разозлилась она.

– Я бы рада… – договорить мне не удалось: моя машина стояла на своем обычном месте. Я кивнула и добавила: – Пошутила, чего ж сразу злиться?

– Не до шуток мне после такой ночки, – посетовала Наташка. – Как думаешь, заведется?

– Кто ее знает. Попробовать всегда стоит. – Мы сели, я повернула ключ зажигания, и машина завелась.

– С полтычка, – уважительно заметила подружка и посмотрела как-то туманно.

– Мы сегодня сделали доброе дело, и господь решил нас порадовать, – виновато сказала я.

– Замучаешься с добрыми делами, а новый аккумулятор так и не получишь, – рассвирепела она. – Рассказывай все,

как было.

– Не буду, – покачала я головой. – Нам еще на разные вопросы отвечать, а ты дама жутко разговорчивая. Не знаешь – не проболтаешься…

Наташка подумала и согласно кивнула. Женщина она мудрая.

Прошло несколько дней. Все понемногу успокоились и вопросы задавать перестали. Шеф то сурово взирал на меня, то милостливо улыбался. В целом жизнь мне нравилась. До пятницы.

В пятницу я работала последний день перед отпуском. После смены мы немного задержались, чтобы отметить это событие. Выпили бутылку шампанского и до последней крошки съели торт, после чего я отправилась домой.

«Битлз» пели «Желтую подводную лодку», я стала подпевать и пошла на обгон: медленно плетущийся грузовик действовал на нервы. Вот тут он и появился: секунду назад его еще не было, и вдруг вылетел с проселочной дороги, наперекор всем правилам не желая пропускать меня. Я резко затормозила, сзади надвигалась громада супер-»МАЗа». В это утро все вроде бы спешили. Бог знает как, но я выскочила почти из-под его колес и взяла левее, но сукин сын на своем драндулете тоже шарахнулся влево, а я, вылетев на встречную полосу, прямо перед собой увидела самосвал…

Водитель отчаянно сигналил. Я уже представила лица сво-

их подруг: «Надо же, только отпуск отметили…» После дружеского поцелуя с «КамАЗом» штопать меня будет бесполезно, кому ж знать, как не мне… Я заорала и, вывернув вправо, каким-то чудом втиснулась между двумя грузовиками.

– Мама моя, – шептала я, тормозя у обочины. От пережитого ужаса все части тела существовали как бы сами по себе, не желая работать слаженно.

Сумасшедший сукин сын тоже съехал на обочину метрах в ста от меня, постоял немного и дальше отправился. А я вдруг поняла: меня только что пытались убить.

Вышла из машины, спустилась с обочины и прилегла на зеленой травке. Нашла в сумке таблетки и проглотила сразу две.

«Давай без истерик, – рассудительно посоветовала я сама себе. – С чего это кому-то тебя убивать? Сумасшедший сукин сын, который ездить не умеет, чуть не загнал тебя под «КамАЗ». Таких случаев каждый год по сотне. Потом он, конечно, испугался и притормозил, чтобы убедиться в том, что ты жива и даже не покалечена…» Мысль эта мне понравилась, но тут же явилась другая: тебя хотели убить, и ты даже знаешь почему… Может, не совсем знаю, но догадываюсь. Несколько дней назад я влезла на чужую территорию, где действуют свои особые законы, и вот результат…

Я посмотрела на голубое небо, посокрушалась своей способности ввязываться в неприятности и побрела к маши-

не. Она опять легко завелась, что было неудивительно с новым-то аккумулятором, а вот двигатель по-прежнему дымил… Могли бы и его поменять. Если делать доброе дело, так по полной программе.

Вечером приехала Наташка. Долго вышагивала по моей квартире, тревожно на меня поглядывая, а потом сказала:

– Просто еще один идиот. Их на дорогах сколько угодно…

– Точно, – обрадовалась я.

– Глупые страхи.

– Конечно.

– И нечего тоску нагонять.

– Само собой, только чего ж ты зубами клацаешь?

– Так боязно…

– Вот и мне боязно.

– Маринка, у тебя же отпуск, мотай отсюда в Одессу к Вальке. Она тебя звала. Я резину купить хотела, да черт с ней, бери деньги, кати в Одессу.

– Деньги у меня есть, за отпуск получила. И Валька ждет, обещала обратный билет купить…

– Ну?

– Гну. Одесса город замечательный, но не могу я всю жизнь в гостях прожить.

– А всю и не надо. Ты отпуск поживи. Успокоишься, авось все и переменится.

Наташкины слова произвели впечатление, я потянулась к

телефону с намерением звонить в Одессу.

От страхов я избавилась, как только села в поезд. Путешествия всегда меня увлекают. Попутчики попались веселые, и вопрос, хотели меня убить или нет, занимал меня недолго.

Через три недели я возвращалась домой загорелой дочерна и настроенной весьма оптимистично. Отдых явно пошел мне на пользу. Валентина Васильевна, или попросту Валька, моя институтская подруга, в очередной раз попыталась выдать меня замуж. Попытка с треском провалилась из-за моего свинского характера (Валька попросту забыла, что родилась я в год Свиньи). Так вот, хоть она и провалилась, но след в душе оставила: я чувствовала себя счастливой, юной и невероятно привлекательной, как будто только что победила на всемирном конкурсе красоты.

С вокзала я добиралась на такси. Жара стояла страшная, на пять делений термометра выше, чем в Одессе. Но даже это настроения не портило.

Я вошла в квартиру, бросила чемодан и отправилась на кухню: открыть балкон и разморозить холодильник. Перед отъездом сделать это я не удосужилась и теперь боялась в него заглянуть. Распахнув балконную дверь, я потянулась к холодильнику, да так и замерла, открыв рот. Обычно в нем, как говорится, ничего, кроме дохлой мыши, а сейчас… Кто-то основательно его загрузил.

Я достала банку красной икры (черная, кстати, тоже бы-

ла), вскрыла, взяла ложку и, не торопясь, всю съела, присев на полу и размышляя. Первое, что пришло в голову: вернулся мой бывший муж. Но как-то эта мысль мне не показалась. Во-первых, с чего бы ему вот так вернуться, а во-вторых, опустошить холодильник он, конечно, способен, но заполнить первоклассным продуктом нет и еще раз нет.

Может, кто-то временно жил в моей квартире и в знак признательности оставил все это? Ключи были у Наташки, но она сама, при всей своей душевной щедрости, на такое не годилась.

Ну и что я должна думать? Кто-то перепутал мой холодильник со своим? Мне захотелось съесть банку черной икры, но, поразмышляв, я отказалась от этой мысли: если все это не дурацкий розыгрыш, то удовольствие лучше продлить.

Я зашвырнула банку в мусорное ведро, а ложку в мойку и пошла в комнату. На журнальном столе, в хрустальной чешской вазе величиной с ведро (подарок свекрови к дню моего рождения), стоял огромный букет роз. Я подошла и сосчитала цветочки: двадцать пять штук. Выглядели они свежо и нарядно. Я огляделась: нет ли иных перемен? На первый взгляд все как обычно.

Кто ж этот неведомый благодетель? Кому Наташка ключи доверила? Гадать я не люблю, потому подошла к телефону и ей позвонила.

– У кого это от жары припадок щедрости? – поинтересо-

валась я, как только смогла ответить на первые двадцать вопросов.

– Ты что имеешь в виду? – насторожилась Наташка, слово «щедрость» неизменно ее тревожит.

– Двадцать пять роз и целый холодильник жратвы.

– Заливаешь…

– Заливают за ворот, а я пятый день трезвая. Кому ключи давала?

– Никому. Хоть за язык повесь…

– О господи, зачем? Только не пугай меня, а? Если ты ключи не давала, кто ж тогда по моей квартире бродил?

– Может, Андрюшка? – Андрюшка – это бывший.

– Умнее ничего придумать не могла? Двадцать пять роз переведи на бутылки. Да его удар хватит…

– Может, он изменился…

– Может. В жизни бывают вещи и вовсе невероятные. Вот один мужик с девятого этажа упал и не разбился.

– Остри на здоровье, только я вчера у тебя была, цветочки поливала, и ничего в твоей квартире такого особенного не усмотрела. И ключи никому не давала. К цветочкам претензии есть?

– Нет.

– Тогда не обессудь.

– Ладно, приезжай в гости. Как-то я все это съесть должна?

– Вечером приеду, а сейчас мне некогда.

Я повесила трубку и задумалась. Не верить Наташке причин не было, однако мысль о том, что кто-то неведомый бродил по моей квартире, вселяла тревогу. Мой дом – моя крепость. Вот тебе и высокие стены…

Тут телефон зазвонил, эта была Наташка.

– Слушай, ты золото с собой брала? Кольца, сережки?

– Нет. Зачем они на юге?

– Так проверь, а то, может, розочки оставили, а все вчистую выгребли. Видак цел? Их в первую очередь тащут… если взять нечего. Он легкий и вынести без проблем…

– Чего ты городишь? – изумилась я.

– Цел?

– Цел.

– Слава богу… А золото проверь…

Я пошла проверять. Открыла шкатулку и слабо икнула: сверху лежали деньги. Как любит выражаться Наташка, «не рубли, а деньги», то есть доллары. Я извлекла пачку и пересчитала: тысяча «зеленых». Заглянула в шкатулку: на мое золото не позарились. Я принялась разглядывать пол, похлопывая пачкой долларов по коленке. И начала кое-что понимать. То, о чем я думала, мне не нравилось.

После обеда зазвонил телефон. Так как никто, кроме Наташки, о моем возвращении еще не знал, из ванной, где я в тот момент пребывала, я выскакивать не торопилась, а подошла не спеша, когда он прозвонил уже раз пять. Однако На-

ташкин голос я не услышала, и никакой другой, кстати, тоже. На том конце провода интересно молчали, наслаждаясь моим заунывным: «Алло, я слушаю…»

Я повесила трубку и еще минут десять смотрела на телефон. Потом оделась, села в кресло и стала ждать.

Ждать пришлось недолго. Где-то через полчаса в дверь позвонили, я глубоко вздохнула, собираясь с силами, и пошла открывать.

Сначала я увидела верзилу. Когда такие типы возникают перед тобой, то глаз способен зафиксировать только их, а уж потом приходит черед всяким мелочам: стенам, окнам и гражданам обычного роста. Мне понадобилась минута, чтобы сообразить: на меня со счастливой улыбкой смотрит бывший пациент Стариков Юрий Петрович.

– Здравствуй, дочка, – сказал он. Я вздохнула и сделала шаг в сторону, пропуская их в свое жилище. Они вознамерились прошмыгнуть в комнату, при этом забыв разуться. Хотя в квартире и наблюдался стойкий пылевой покров, это показалось обидным, и я сказала:

– Тапочки вот здесь, возле вешалки.

Юрий Петрович несколько суетливо вернулся в прихожую, снял ботинки и облачился в тапочки бывшего мужа. Верзиле тапок не нашлось, он потопал в носках.

Я приглядывалась к ним. Больше, конечно, к Старикову. В верзиле рассматривать было нечего, а его ответный взгляд рождал в душе смятение. В общем, я смотрела на своего

недавнего пациента. Выглядел он неплохо. Куда бы ни отправился он тогда на «Скорой помощи», а угодил к специалисту. Меня так и подмывало спросить, куда и к кому, но вряд ли они ответят.

Юрий Петрович устроился в кресле, вытянул ноги в тапочках и с улыбкой разглядывал меня, а я его. Дорогой костюм из легкой ткани, светлая рубашка, золотые часы, волосы подстрижены и аккуратно зачесаны назад, неприятный желтоватый оттенок исчез, седина отливала серебром, Юрий Петрович не лишен был некоторого щегольства. В целом выглядел респектабельно. Золотые часы навели меня на мысль, и я ее высказала:

– Ваши вещи, часы и перстень, в милиции…

Он как-то небрежно махнул рукой, целиком поглощенный созерцанием моей особы. Мне это надоело.

– Цветы и продукты ваша работа?

– Моя, – сказал он и улыбнулся шире.

– Я вам что, ключи от квартиры оставила?

– Не сердись, дочка, – запел он. – Хотел сюрприз сделать. Думал, приедешь, порадуешься…

– Я и порадовалась при мысли о том, что кто-то бродит по квартире в мое отсутствие.

– Прости старика, – убрав улыбку, попросил он. – Хотел как лучше, не сердись, очень прошу. Теперь на всем свете для меня нет человека дороже, чем ты, дочка…

– Вот что, Юрий Петрович, – начала я, но он меня пере-

бил:

– Зови меня дядей Юрой…

– Никакой вы мне не дядя, и я вам не дочка. Это первое. Второе: вы мне ничем не обязаны. Я врач, мое дело лечить людей. Что я и делаю. За свою работу я получаю деньги, называется зарплата. За розы спасибо, а вот деньги заберите. – Я поднялась, достала доллары и положила на стол. – Продукты тоже. Правда, банку икры я съела, не буду врать, съела совершенно сознательно, а не по ошибке. Так что мы с вами квиты, и потому у меня убедительная просьба: появляться в моей квартире только по приглашению. Деньги за аккумулятор верну через месяц, а сейчас, извините, не могу – отпуск.

Юрий Петрович слушал, разглядывая свои руки, и заметно печалился.

– Не поняла ты, дочка, – вздохнул он. – Я, старый дурак, как-то все неправильно сделал… Не хотел я тебя обидеть, прости. И деньгами этими не за жизнь свою расплачивался. Я много чего повидал на свете и знаю: не все за деньги купишь. Потому и к тебе пришел, думал, если есть еще такие люди, значит, не зря мы землю топчем.

– Спасибо за лестное мнение, – нахмурилась я. – Но это ничего не меняет.

– Что-то я все-таки не так сделал, – покачал он головой. – Я ведь пока к кровати прикованный лежал, все думал – как поднимусь, к тебе поеду. И встреча наша не такой виделась. Прости, если что не так. – Он даже поклонился.

У меня стойкое отвращение к театральным эффектам, чувство такое, что тебя водят за нос. С другой стороны, он выглядел совершенно несчастным, а особого повода злиться у меня не было: в конце концов, икру я съела.

Подумав, я поднялась и сказала:

– Давайте пить чай.

– Ничего не надо, дочка, – забеспокоился Юрий Петрович, но я уже шагала в кухню.

Через десять минут мы пили чай. За это время доллары со стола перекочевали на полку. Я покачала головой, а Юрий Петрович засуетился:

– Что ты в самом деле, пусть лежат, вдруг понадобятся. Зарплата у тебя плохонькая, работа тяжелая. А мне куда деньги девать? Жены нет, детей не нажил, вот и мыкаюсь один на старости лет.

– Вам пятьдесят четыре года, и вы вовсе не старый, – одернула я, очень уж он увлекся. – Вполне можете жениться и даже детей завести. Вот мой сосед, к примеру, так и сделал и живет припеваючи.

Юрий Петрович с готовностью засмеялся. Понемногу разговор налаживался, а вот чай мои гости не жаловали. Юрий Петрович сделал пару глотков, а верзила как замер возле стены, привалясь к ней спиной, так по сию пору и стоял. Причем сразу и не решишь, то ли он стену, то ли она его поддерживает.

Я ему из вежливости налила чашку, но он ее как будто не

заметил, стоял и пялился в угол комнаты. Из любопытства и я взглянула: угол как угол, даже паука там не было, но ему чем-то понравился. Мне что, пусть.

Мой новоявленный дядька пел соловьем, я начала томиться, и, чтобы ему немного испортить настроение, поинтересовалась:

– А почему он стоит? – Хотя, по моему мнению, он правильно делал – ни мой диван, ни тем более стул такую тушу не выдержат. Юрий Петрович запнулся на полуслове.

– Коля? – спросил неуверенно.

– Вот он, – ткнула я пальцем в верзилу. Коля все-таки от угла оторвался и посмотрел на меня. – Он глухонемым прикидывается?

– Нет-нет, – очень серьезно ответил Юрий Петрович.

– Я знаю, что он говорящий, – заверила я. – Просто меня раздражают люди, которые стоят столбом и что-то за моей спиной высматривают. Лучше бы чай пил.

– Я не люблю чай, – этим своим дурацким голосом заявил верзила и на меня уставился. Было это обременительно для моих нервов, уж лучше пусть бы в угол смотрел.

– Ты о Коле плохо не думай, – ласково запел Юрий Петрович. – Он парень золотой, мы с ним давненько друг дружку знаем, не один пуд соли вместе съели. Это он с виду сердитый, а душа добрая…

– Да я верю, – пришлось пожать мне плечами, хотя в истинности сказанного я питала сомнения.

Коля взгляд отвел и вновь сосредоточился на стене. Мне стало легче дышать. Чай остывал, и по всему выходило, что пора нам прощаться. Верзила от стены отлепился, а Юрий Петрович поднялся.

– Спасибо за чай, дочка, – сказал он, и оба в прихожую потопали. С радостно бьющимся сердцем я отправилась следом. Вспомнила про деньги, вернулась. Оба за это время успели обуться.

– Возьмите, – сказала я.

– Обижаешь, – покачал головой «дядя Юра».

– Я от вас деньги принять не могу, и обсуждать здесь нечего. За подарки спасибо. Желаю вам здоровья. Вид у вас цветущий, но поберечься все равно не мешает. Всего доброго.

Юрий Петрович вознамерился что-то сказать, но я уже дверь распахнула, и им ничего не оставалось, как выйти.

– До свидания, – сказали они дружно. Я слегка удивилась, что верзила открыл рот, улыбнулась, кивнула и хлопнула дверью.

– Свалились на мою голову, – посетовала я и занялась уборкой.

Вечером приехала Наташка; узнав о визите, обрадовалась.

– И чего ты дурака валяешь? – набросилась она на меня. – Хочется ему поиграть в доброго дядьку, ну и на здоровье. Деньги ей, видите ли, не нужны. Не нужны, неси мне. Приму с благодарностью. Я из-за этого сукина сына тоже натер-

пелась… Нашла когда проявлять честность и принципиальность. На честных воду возят.

– На дураках, – поправила я.

– А нынче что честный, что дурак – одно и то же. Дядька одинокий, ты ему вместо дочери, пусть раскошелится. Баксов небось полны карманы, коли тыщами швыряется.

– Деньги эти он не своим горбом заработал, – усмехнулась я. – Скорее всего украл.

– А кто не ворует? Я вот, к примеру, в больнице лекарства беру, бинт, вату. С паршивой овцы хоть шерсти клок. Кстати, ты тоже перчатки брала, на своей даче копаться. Брала?

– Ты, Наташка, дура совсем, – возмутилась я. – Сравнила…

– Не вижу принципиальной разницы. Воровство – оно всегда воровство… Чего-то мы не туда залезли… Старичок на благое дело потратиться хочет, не на водку и девок, а на молодое дарование.

– Ты точно дура, – кивнула я. – Во-первых, он не старичок, да и старички разные бывают, начнет с «дочки», а чем кончит, никому не ведомо. Нет уж, обойдусь без благодетелей. Хоть и не пожрешь икру ложкой, зато покой дорог.

– Да ну тебя, – отмахнулась Наташка. – В конце концов, он тебе действительно обязан. Повезло раз в жизни, спасла богатого человека, так чего ж от счастья рожу-то воротить?

– Слушай, может, ты его себе возьмешь? – не выдержала я.

– В отцы? Так я с радостью, но он мой вклад в общее дело

принципиально не желает замечать. Ты у него спасительница.

Я покачала головой и стала пить чай.

В следующий раз Юрий Петрович появился через пару дней. Обошлось без сюрпризов. По телефону позвонил и так жалобно, точно милостыню просит, сказал:

– Здравствуй, дочка, я вот тут неподалеку от твоего дома… хотел проведать.

Я вздохнула и сказала:

– Хорошо, заходите.

В квартире он появился с корзинкой в руках, за спиной маячил верзила. Лицо без выражения, взгляд пустой, жуть берет. Черт знает, о чем он думает… Может, прикидывает, как половчее меня освежевать.

– А ему сюда обязательно? – не выдержала я. Юрий Петрович слегка растерялся и на меня уставился, а верзила рот открыл и тихим голосом произнес:

– Обязательно, – и мне улыбнулся. Не скажу, что душу согрел, скорее поразил. Я начала прикидывать: каким он был ребенком? Ведь был же? И что с ним такое приключилось, что от его взгляда нормального человека начинает трясти? И родители у него тоже есть, по крайней мере, были. Иного способа появиться на свет я просто не знаю.

– Ты Колю не бойся, – брякнул Юрий Петрович. – Он…

– Да я помню, – перебила я. – У него душа добрая. Только

пусть он на меня так не смотрит. Добрая у него душа или нет, а физиономия, извините, зверская.

Коля стал смотреть в угол. Юрий Петрович в кресле устроился и осведомился о моем здоровье. Здоровье у меня было хорошее, у него, как выяснилось, тоже. Тут он о корзинке вспомнил и нерешительно потянулся к ней.

– Я вот тут с гостинцами… не откажи…

– Юрий Петрович, – укоризненно начала я.

– Я ведь от души, дочка, – он вроде бы даже испугался. Мне стало совестно, я взяла корзину и отнесла ее в кухню.

Снеди в ней было на небольшую армию. Я только головой покачала, потом вернулась в комнату, толкая перед собой сервировочный столик.

– Что ж, чай вы не пьете, – сказала я. – Давайте пить коньяк.

– Не беспокойся, – начал Юрий Петрович, но я уже накрывала на стол. Он благодарно улыбнулся и по виду был счастлив.

– Садитесь, – кивнула я верзиле. Тот отделился от стены и сел на диван. Я зажмурилась, но диван выдержал. – Что ж, давайте за знакомство, – предложила я.

– За твое здоровье, дочка.

– И за ваше…

Мы выпили и стали закусывать. Юрий Петрович долго молчать не умеет, потому принялся меня расспрашивать: о родителях, о муже и вообще о жизни. Тайн из всего этого я

не делала и отвечала без особой охоты, но и без раздражения.

Время от времени на Колю посматривала, испытывая от его близости некоторую тревогу. Он сидел слева от меня и разглядывал стену. Слышал нас почти наверняка, а вот понимал ли, с уверенностью не скажешь.

С момента нашей первой встречи в Цыганском поселке волосы его заметно отросли, но выглядеть лучше от этого он не стал. Я могла предложить лишь один способ сделать его симпатичнее: скомкать, как следует размять и слепить по новой.

Почувствовав мой взгляд, он повернулся. В расстегнутом вороте рубашки я углядела татуировку, довольно странную. То ли листья, то ли лапы диковинного существа тянулись от плеча к шее. Он усмехнулся, точно спрашивая: будешь продолжать осмотр? Мне стало неловко, в конце концов, он может действительно быть вполне нормальным парнем, и нечего его разглядывать, как обезьяну в клетке.

Я сосредоточилась на Юрии Петровиче. С моей родней мы к этому времени уже покончили, выпили еще коньячку, и он вдруг сказал:

– Дочка, ты вот Коле рассказывала, что человек в больнице был, меня разыскивал. А узнать его ты сможешь?

Я отодвинула рюмку и внимательно посмотрела на своего благодетеля. Он заметно опечалился.

– Смогу, – наконец ответила я. – И что?

– Ничего, – засуетился он. – Так спрашиваю.

– Вы, Юрий Петрович, дурака не валяйте и вокруг да около не ходите. Зачем вам этот человек?

Тут он усмехнулся, жестко, так что лицо мгновенно стало другим: добродушный дядька вдруг превратился в типа, которого плечом лучше не задевать.

– Меня ведь убить пытались, – сказал он. – Я хочу знать кто.

– Да? – поинтересовалась я. – Меня, кстати, тоже. И восторга от этого я, по понятным причинам, не испытываю. Не знаю, за что хотели убить вас, но меня уж точно не за что.

Мои гости переглянулись и на меня уставились.

– Объясни, – попросил Юрий Петрович, и я рассказала о сумасшедшем типе на голубом расхристанном «Опеле», который едва не загнал меня под грузовик. Гости переглянулись вторично.

– Как видите, знакомство с вами радости в мою жизнь не внесло, – заключила я. – Оттого я совершенно не желаю вмешиваться в ваши дела.

– Дочка, они ведь как решат: если ты человека видела, значит, мне расскажешь. Здесь ведь кто кого – не мы их, так они нас.

– Да вы с ума сошли, – вытаращила я глаза. – Вы что мне предлагаете? О ваших делах я знать ничего не желаю, и оставим это.

После моих слов нависло тягостное молчание. Ни коньяк, ни еда, ни просящий взгляд Юрия Петровича нарушить его

не смогли. Потосковав немного, гости отправились восвояси, а я задумалась – доброе дело принимало дурной оборот.

На следующий день меня пригласили на вечеринку. Собрались на даче у Людки Лебедевой, затеяли шашлыки, конечно, хорошо выпили. Потом отправились на речку купаться, километра за полтора. В общем, в город возвращались электричкой довольно поздно. Решили еще немного выпить, забрели к Наташке и выпили. Разумеется, не немного. Ближе к часу ночи стали разъезжаться по домам.

Я отправилась вместе с Сережкой Логиновым: он жил в моем районе и уже полгода набивался в женихи. Мы остановили машину, устроились на заднем сиденье, Сережка меня обнял и на ухо зашептал:

– Поедем ко мне.

Я категорически заявила, что с жениховством придется подождать. Официально я все еще замужем и, как порядочная женщина, ничего подобного позволить себе не могу. Мой кавалер не обиделся, но загрустил.

– С тобой не поймешь, когда ты дурака валяешь, а когда серьезно говоришь, – сказал он.

– Я и сама не знаю, – заверила я.

– Я тебе в любви клялся?

– Вроде бы…

– Ты подумать обещала?

– Обещала, но еще не подумала. Времени нет. Жизнь ка-

кая-то бешеная, некогда остановиться и подумать о прекрасном, о тебе, например.

– Вот я как-нибудь разозлюсь и пошлю тебя к черту.

– Не надо, я скучать начну.

– Теперь я понимаю, почему вы с Андрюхой разошлись, – начал Сережка, но я радостно объявила:

– Мы уже приехали, вот мой дом.

– В гости пригласишь?

– Кофе нет, а чай только без заварки.

– Я кипятка напьюсь, – заверил он.

– Шутишь, я ж от стыда сгорю. Как-нибудь в другой раз…

Мы вышли из машины.

– Подождите минутку, – попросила я водителя. Серега хмурился и выглядел побитой собакой.

– Отправляйся домой, – сказала я. – Завтра позвоню. Вечером идем в театр, ты помнишь?

– Помню, – буркнул он.

– Тогда спокойной ночи…

– Мне все это скоро надоест, и я заведу бабу…

– Заводят собак. А в женщин влюбляются. Вот ты, к примеру, влюблен?

– Ну…

– Повезло, значит, есть за что благодарить судьбу. – Я поцеловала его, махнула рукой и пошла к подъезду. Он остался возле машины, тоскливо провожая меня взглядом.

В подъезде было темно, это меня удивило. Дом у нас ста-

рый, жильцы в основном пожилые и за порядком следят строго.

Я сделала пару шагов почти на ощупь и тут же почувствовала, что за спиной кто-то есть. Я хотела крикнуть, споткнулась в темноте об нижнюю ступеньку и упала, успев вытянуть перед собой руки.

Что-то ударило в плечо, вскользь и почти не больно, звякнуло совсем рядом, в ту же секунду распахнулась дверь подъезда, я повернула голову и в свете фонаря смогла различить два мужских силуэта. Одним был Сережка.

Я кинулась к первой квартире, давила на кнопку звонка, отчетливо слыша, как мужики внизу с тяжелым хрипом молотят друг друга.

Дверь мне не открыли, я с опозданием вспомнила, что Крутовы еще вчера отбыли в отпуск и я, между прочим, обязалась присматривать за квартирой.

В остальных квартирах телефон отсутствовал, следовательно, придется подняться к себе на второй этаж. Разглядеть, что происходит, было затруднительно, но за Сережку я не очень переживала – с юных лет он занимался классической борьбой, а в настоящее время работал инструктором по рукопашному бою.

Дверь распахнулась, кто-то выскочил на улицу, а чуть позже то же самое сделал Сережка. Я последовала за ним. Озираясь по сторонам, он чертыхался и разводил руками.

– Мать его… куда он делся?

– Да ладно, – попробовала я утешить. – Надеюсь, ему здорово досталось…

– Руку наверняка сломал…

– Садист, – покачала я головой.

– А мужичок-то наш тоже смылся, – хохотнул Сережка. – Ну, народ…

Тут я наконец заметила, что хозяин «Жигулей», на которых мы прибыли, исчез, не дождавшись честно заработанных денег.

– Идем, – потянула я Сережку за рукав. – Будем считать, что сэкономили на такси.

Мы вошли в подъезд, я с некоторой опаской.

– Посмотри лампочку.

Сережка вытянул руки, что-то скрипнуло, и свет вспыхнул.

– Гад, лампочку вывернул, – щурясь, покачал головой мой спаситель. Тут я заметила кое-что любопытное: на ступеньке лежал нож. Плечо сразу же заныло. Я достала из сумки носовой платок и взялась за лезвие.

– Черт, – охнул Сережка. – Да у тебя плечо в крови.

Я тем временем разглядывала холодное оружие. Тонкое лезвие, костяная ручка. Если бы я не споткнулась в темноте, лежать бы мне сейчас на этих ступеньках, а потом на столе у патологоанатома. Сережка тоже на нож смотрел, испуганно сказал:

– Что творится, а?

– Идем в квартиру, – заторопила я. В квартире я стянула блузку, и он вполне профессионально обработал рану. Я смогла рассмотреть ее в зеркало: пустяковая, но неприятная. Придется зашивать.

– Набери Наташкин номер, – попросила я. Сережка о чем-то задумался и понял не сразу.

– Надо в милицию.

– Подожди, сначала Наташке.

– Давай «Скорую» вызову?

– Смеешься? – покачала я головой.

Наталья только что легла спать, пришлось ей подняться и путешествовать темной ночью через весь город. Я взглянула на своего спасителя, он сидел грозовой тучей.

– Почему за мной пошел?

– Сам не знаю. Уже в машину садился, и вдруг точно толкнул кто… Маринка, он ведь тебя убить хотел. Не сумку отнять и даже не изнасиловать, а именно убить. Пропустил вперед и ударил в спину.

– Полно психов, – согласилась я.

– Позвоню в милицию.

– Думаешь, его найдут?

– А почему нет?

– Ты ведь не разглядел его как следует?

– Не разглядел.

– А я тем более. Возможно, отпечатки пальцев на ноже…

– Он в перчатках был, – вздохнул Сережка. – Умные ста-

ли, сволочи, в подъезде на бабу и то в перчатках охотятся…

– Остается сломанная рука.

– Это кое-что…

– Ага. А нас расспросами с ума сведут. Может, не стоит звонить? Ему больше, чем мне, досталось, глядишь, это отобьет охоту засады в подъездах устраивать.

– Маринка, – сказал он тревожно, – а я ведь у него пистолет отобрал. Вот. – Он сунул руку в карман и извлек самый настоящий пистолет. – Между прочим, полная обойма. То ли шпана пошла не чета прежней, то ли все серьезнее, чем мы думаем. С тем случаем в больнице это никак не связано?

– Нет. Каким образом? Может, меня с кем спутали? – хитро предположила я.

– У вас в подъезде никто такой не живет?..

– У нас одни пенсионеры живут. Верка Тихонова на рынке колбасой торгует, но ведь за это не убивают?

– Кто знает…

К подъезду подъехала машина.

– Наташка… идем встречать.

Наташка мое плечо осмотрела и не спеша заштопала.

– До свадьбы заживет, – сказала и устроилась в кресле. – Дела, ребята. В милицию звонили?

– Звонили.

– Выходит, кому-то ты сильно действуешь на нервы. – Я нахмурилась, а Наташка рот закрыла. Женщина она понят-

ливая. Сережа был поглощен своими думами и на ее слова не обратил внимания.

Приехала милиция, но покоя в душу это не внесло. Была слабая надежда, что на нападавшего выведет пистолет, но ни я сама, ни милиция особенно на это не рассчитывали.

Наталья с Сережкой остались ночевать у меня, утром разбрелись на работу, а я подумала-подумала и позвонила дяде Юре.

Номер телефона он оставил мне еще в свой первый визит. И вот пришлось им воспользоваться.

Юрий Петрович, судя по голосу, перепугался больше, чем я накануне, и обещал незамедлительно приехать. Я только успела выпить чашку кофе, а он уже звонил в дверь. Спросил еще с порога:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.